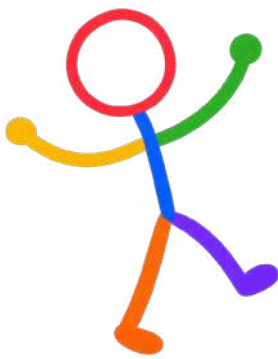
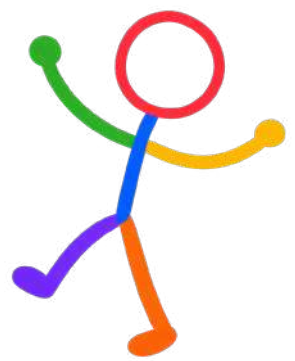

„Раз ступенька,
ДВА ступенька!“

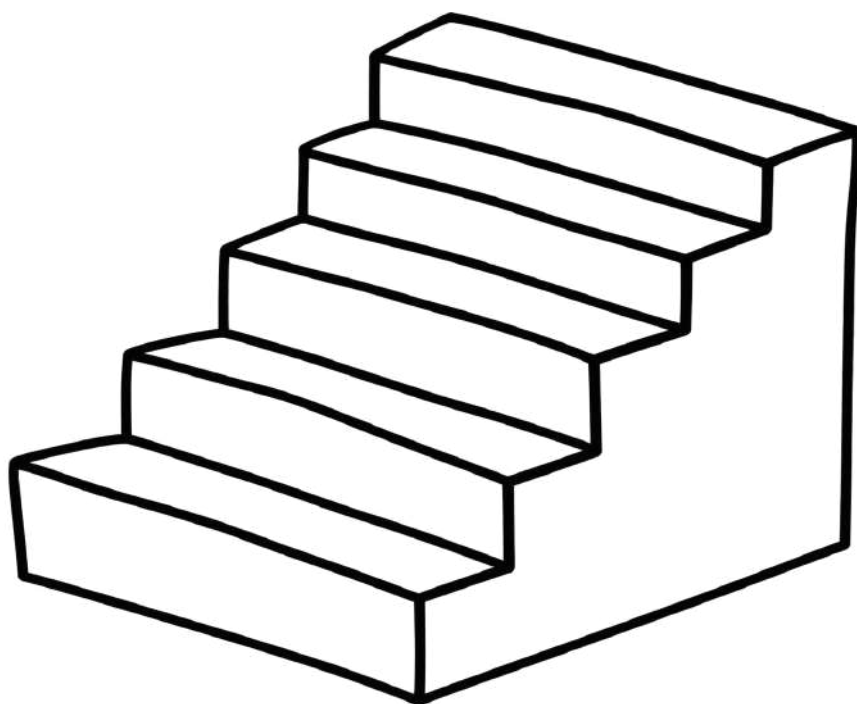

АЛЬМАНАХ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДВА СТУПЕНЬКА!

РАЗ СТУПЕНЬКА,

СИРИУС, 2026

Добро Пожаловать!

ПРИВЕТ, ДРУГ! МЫ ОЧЕНЬ РАДЫ, ЧТО ТЫ СОБРАЛСЯ ПРОЧИТАТЬ НАШУ КНИЖКУ! В НЕЙ МЫ СОБРАЛИ САМЫЕ-САМЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, КОТОРЫЕ НАПИСАЛИ ЗА ВРЕМЯ ПРОГРАММЫ В «СИРИУСЕ». ЗДЕСЬ ТЫ НАЙДЁШЬ ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ СКАЗКИ, ПРИТЧИ, РАССКАЗЫ И СТИХОТВОРЕНИЯ. МЫ ИХ РАЗДЕЛИЛИ ПО ВОЗРАСТУ (ОТ 4+ ДО 12+) ДЛЯ ТВОЕГО УДОБСТВА.

КАК ТЕБЕ ИДЕЯ СЕСТЬ ВЕЧЕРКОМ НА УЮТНЫЙ ДИВАН, ПОЗВАТЬ ВСЮ СЕМЬЮ И ПОЧИТАТЬ ВСЛУХ НАШУ КНИЖКУ? МЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО ВСЕМ ПОНРАВЯТСЯ ИСТОРИИ, НАПИСАННЫЕ НАШИМИ ТАЛАНТЛИВЫМИ РЕБЯТАМИ. В СБОРНИКЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ СОВЕРШЕННО РАЗНЫЕ ТЕМЫ, ПОЭТОМУ АБСОЛЮТНО КАЖДЫЙ РЕБЁНОК НАЙДЁТ ДЛЯ СЕБЯ ТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, КОТОРЫЕ ЕМУ ОТКЛИКАЮТСЯ. ЧИТАЙ СМЕЛО, ПОГРУЖАЙСЯ С ГОЛОВОЙ В ПРЕКРАСНЫЕ МИРЫ, СОЗДАННЫЕ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ТЕБЯ! ДВЕРИ В МИР ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВСЕГДА ДЛЯ ВСЕХ ОТКРЫТЫ!

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЕ ШАГИ	8
Кукушка.....	10
Мечта	11
Дом для ёжика.....	12
Морские камешки	18
Стихи и песики (рецензия)	19
НАВСТРЕЧУ ЗВЕЗДАМ.....	24
(Не) Хочу в школу.....	26
О чем думает Рра.....	27
Раз, два... яблоко!	34
Что лежало в чемодане?	46
Как правильно не рассмешить читателя (рецензия) ...	53
ЧЕРЕЗ СТУПЕНЬКУ	56
Настольная игра	58
Три секунды на шедевр.....	59
Пятьдесят метров.....	67
Куда уплывают дельфины	73
Слышу голос из прекрасного далека (рецензия)	78
ШУТКИ В СТОРОНУ.....	82
Властелин колец.....	84
Кулисы	85
Сделка	89
Лёнька и море.....	99
Несимметричные люди (рецензия).....	108
«Я ВЕДЬ ВЗРОСЛАЯ УЖЕ»	118
***	120
Разное.....	121
Третий вечер.....	128
В мире животных.....	134
«Я ведь взрослая уже» (рецензия)	138

КИРА ПОСПЕЛОВА КУКУШКА

Кто кукует на суку?
Раз – ку-ку! И два – ку-ку!
Три ку-ку, четыре, пять –
Разве мне пора вставать?
Ну, кукушка, погоди –
Полминутки не буди.
Хватит маятник качать
И в коробочке скучать!
Предлагаю договор:
Выпущу тебя во двор,
Дам печенья с молоком,
Познакомлю с индюком.
Ну, а ты взамен на это
Дашь поспать мне это лето.

Татьяна Лунегова

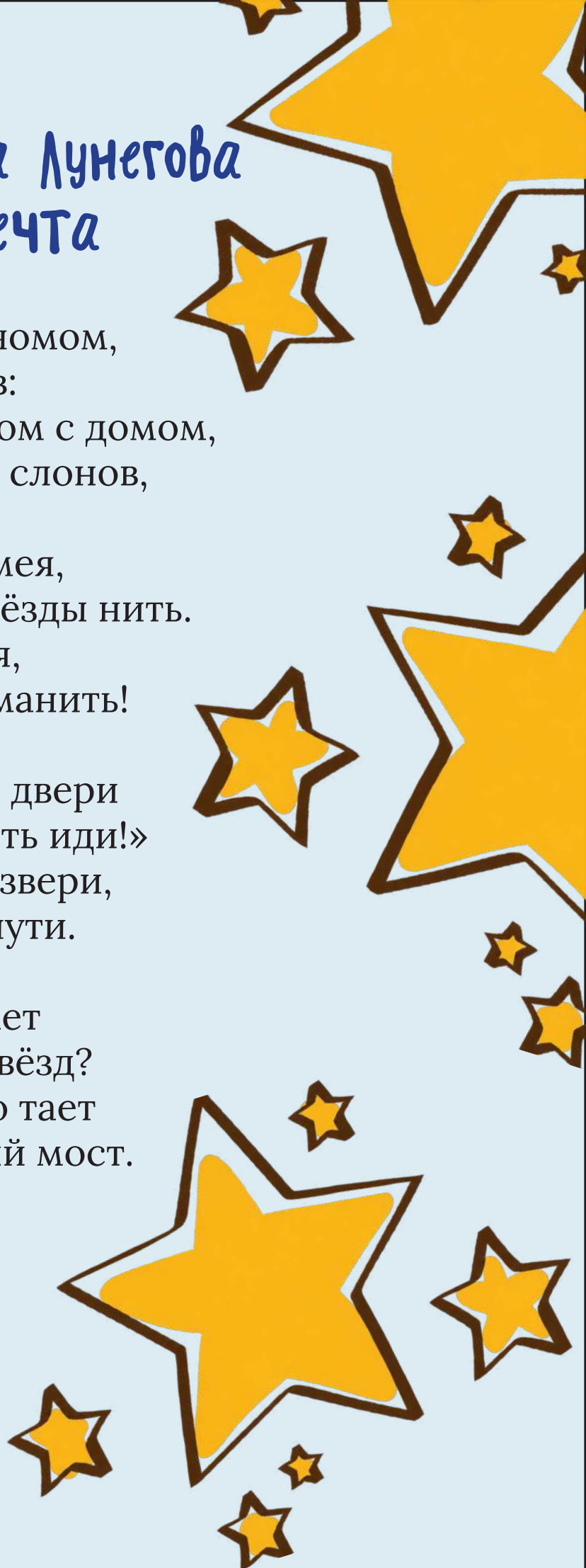
Мечта

Я хочу быть астрономом,
Я подрос, и я готов:
Я найду, пусть рядом с домом,
Звёздных зайцев и слонов,

Отыщу медведя, змея,
Проложу сквозь звёзды нить.
Вот она, Кассиопея,
Будет вверх меня манить!

Раздаётся стук, и в двери
Входит мама: «Спать иди!»
Пропадают в небе звери,
Пропадают звёзд пути.

Как она не понимает
Вечности сиянья звёзд?
Я смотрю, как тихо тает
За окошком лунный мост.

ДОМ ДЛЯ ЁЖИКА

АРИНА ФИЛИППОВА

Ёжик уже несколько минут стоял посреди своей норки и хмурился. Всё началось с корешка у входа. Утром ёжик снова зацепился за него лапой и едва не упал. Потом заметил, что левая стена немного кривая. Следом — что потолок слишком низкий. А когда отошёл к самому входу и посмотрел на норку целиком, стало ясно: жить здесь больше нельзя.

Ещё вчера норка его вполне устраивала. Но теперь ёжик видел только земляные стены, сухую траву и тот самый корешок, который торчал совершенно не там, где следовало. Он поправил иголки и огляделся ещё раз. Нет, хороший дом должен быть красивым, удобным и таким, чтобы в нём ничего не хотелось переделывать.

У дальней стены висела единственная вещь, которую ёжик считал совершенной, — кусочек дубовой коры. Тёмные трещинки складывались на нём в причудливый узор. Ёжику казалось, что это лес на закате: вот деревья, вот тёмная тропинка, а светлое пятнышко сбоку — последние лучи солнца. Он считал кору настоящей картиной и иногда подолгу ею любовался.

Картину ёжик решил забрать. Остальное можно было оставить. Он осторожно снял кору со стены,

устроил её на спине, пригладил иголки и вышел из норки. Где-то в лесу непременно должен был найтись дом получше.

Далеко идти не пришлось. Свернув с тропинки, ёжик увидел берёзу, согнувшуюся к земле. Между двумя толстыми ветками виднелось старое пустое гнездо. Оно было круглым и аккуратным, палочки, сухая трава и мох переплетались так ровно, будто кто-то специально следил, чтобы ничего не торчало наружу. Сверху гнездо прикрывала густая крона.

Ёжик долго смотрел вверх. Вот это уже было похоже на красивый дом. Правда, до него ещё нужно было добраться. Ёжик поудобнее устроил картину на спине и полез по наклонному стволу. Сначала всё шло неплохо, но вскоре лапа соскользнула, и ёжик съехал вниз почти до самого основания. Со второго раза удалось добраться до середины, с третьего — до нижней ветки. Когда солнце уже клонилось к закату, он наконец перевалился через край гнезда и несколько минут просто лежал, переводя дух.

Вблизи новый дом понравился ему ещё больше. Гнездо оказалось мягким, крепким и как раз подходило по размеру. Правда, одна веточка торчала внутрь. Ёжик тут же переложил её, потом переставил ещё две — для симметрии — и только после этого занялся картиной. У одной стенки было слишком темно, у другой кора всё время норовила провалиться между прутьями, но наконец место нашлось.

Когда всё было устроено, ёжик выглянул наружу. Отсюда лес выглядел совсем иначе, чем из старой норки. Внизу темнела тропинка, кусты казались маленькими, а верхушки молодых елей были совсем близко. Ночью ветки слегка покачивались от ветра, но это ёжику даже понравилось. Он заснул совершенно уверенный, что поиски закончились удивительно быстро.

Утром ёжик проснулся в прекрасном настроении и был доволен, пока не посмотрел вниз. Вчера он так старался забраться наверх, что совсем не подумал, как будет спускаться. Некоторое время он сидел на краю и примерялся, затем осторожно выставил одну лапу, вторую — и почти сразу покатился по стволу, цепляясь за кору всем, чем только мог.

На землю ёжик приземлился в кучу сухих листьев. Сначала оттуда показался нос, потом сам ёжик. Одна иголка у него нелепо торчала вбок. Он долго приглаживал её лапой, но стоило отпустить — она снова топорщилась. Наконец ёжик сдался, оглянулся на гнездо и понял, что каждый день совершать такой подъём и спуск всё-таки не готов.

Следующий дом, решил он, должен обязательно стоять на земле. Ёжик шёл уже довольно долго, когда между корнями высокой ели заметил что-то тёмное. Это оказался старый сапог. Когда-то он, наверное, был почти чёрным, но теперь выцвел, покрылся царапинами и немного завалялся набок. Ёжику это ничуть не помешало. Круглый нос, высокие стенки и необычная форма показались ему удивительно красивыми. По сравнению с обычной земляной норой сапог выглядел почти роскошно.

Внутри ему понравилось ещё больше: узко, но уютно, ничего не осыпалось, потолок оказался достаточно высоким, а главное — никуда не нужно было карабкаться. Ёжик ходил туда-сюда, проверял все углы и долго выбирал место для картины. У входа было слишком светло, в глубине — слишком темно. В конце концов он устроил кору сбоку, отодвинулся на пару шагов и остался доволен.

К вечеру ёжик уже был уверен, что на этот раз действи-

тельно нашёл то, что искал. Ночью его разбудила холодная капля, упавшая прямо на нос. Он поморщился и вытер её лапой. Но через несколько секунд упала вторая, затем третья. Снаружи шумел дождь. Вскоре вода тонкой струйкой побежала по стенке сапога, а около дырки возле подошвы начала появляться лужа.

Ёжик первым делом схватил картину и отнёс её в самый сухой угол. Потом пришлось передвинуться и самому. Вода добралась и туда. К утру сухим остался только крошечный уголок в самом носке сапога, где ёжик и просидел последние несколько часов, поджав лапы и держа кору над собой.

Когда дождь закончился, он выбрался наружу мокрый и сердитый. Иголки торчали во все стороны, но на этот раз ёжик даже не сразу принялся их поправлять. Сначала он посмотрел на сапог. Тот всё ещё казался красивым, только теперь возле подошвы блестела маленькая лужица. Жить в доме, который хорош лишь в сухую погоду, ёжик не захотел.

К вечеру он увидел старый пенёк, который был настолько широким, что ёжику пришлось обойти его почти целиком, прежде чем нашёлся вход. Снаружи пенёк казался крепким и надёжным, а внутри было сухо. После сапога одного этого уже хватило, чтобы ёжик заинтересовался.

Он сделал несколько шагов и остановился. Пень оказался гораздо больше, чем выглядел снаружи. Стены уходили далеко в стороны, а крыша терялась в темноте. Ёжик задрал голову, но потолка так и не увидел. Даже его картина на огромной древесной стене казалась маленькой-маленькой.

Сначала ёжик решил, что такой простор — это хорошо. Можно устроить постель у одной стены, картину повесить на другую, а между ними останется целая площадь. Он даже прошёлся туда и обратно, присматривая место по-

лучше. Но шаги почему-то звучали слишком громко, а пустота вокруг — слишком тихо.

Когда совсем стемнело, пень будто стал ещё больше. Где-то высоко поскрипывало дерево, иногда сыпалась труха, и каждый шорох разносился по пустому стволу. Ёжик лёг у стены и свернулся клубком. Потом придвинулся ещё ближе. Из темноты напротив ничего не было видно, и от этого противоположная стена казалась ещё дальше, чем днём.

Спать не получалось. Ёжик открывал глаза и закрывал их снова — разницы почти не было. Несколько раз он слышал собственное шуршание и сам же от него вздрагивал. К утру ёжик так и не привык к огромному дому. Как только рассвело, он забрал картину и вышел наружу.

После трёх неудачных ночей ёжик шёл уже медленнее. Картина из дубовой коры то и дело съезжала набок, лапы устали, а о необычном и красивом доме думалось всё меньше. Теперь хотелось, чтобы до входа можно было просто дойти, чтобы сверху не капало, а дом не был слишком большим и ночью получалось спокойно уснуть.

К вечеру между корнями большого дерева ёжик заметил норку. Вход оказался как раз такого размера, чтобы пройти свободно, не протискиваясь и не пригибаясь. Внутри было тепло, сухо и тихо. Земляные стены слегка изгибались, невысокий потолок поддерживали толстые корни, а в углу лежала сухая трава.

Ёжик прошёлся по норке один раз, потом второй. Даже специально задержался у стен, поискал глазами неровности и проверил вход. Придаться было, кажется, не к чему. Здесь не проходило карабкаться, нигде не капало, а одну стену от другой отделяли всего несколько шагов. Наконец-то всё было как надо.

Ёжик довольно поправил иголки, снял картину со спины

и стал искать для неё место. На дальней стене между двумя корнями обнаружилась узкая щель. Он вставил туда кусочек дубовой коры — и тот вошёл так легко и точно, будто место специально было сделано для него.

Ёжик замер. Сначала он посмотрел только на картину. Потом на корень слева от неё. Тот почему-то показался знакомым. У входа лежал плоский камешек — тоже знакомый. А возле постели обнаружилась маленькая ямка в полу. Ёжик поставил в неё заднюю лапу — она словно сама нашла привычное место.

Он медленно огляделся ещё раз. Под потолком торчал короткий корешок, который всегда щекотал ёжику спину, когда он слишком резко вставал. В углу была царапина на стене. Возле входа — тот самый толстый корень, о который он вечно спотыкался по утрам.

Ёжик вышел наружу, посмотрел на дерево, на куст рядом и снова заглянул внутрь.

Это была его старая норка.

Та самая, у которой еще недавно стены казались кривыми, потолок — низким, а корень у входа всё портил. Теперь все было как надо. Потолок делал норку уютной, а стены, пусть и неровные, находились совсем рядом. Даже корень у входа выглядел не так уж плохо.

Ёжик постоял ещё немного, потом устроился на сухой траве напротив своей картины. Он посмотрел на стену слева, на потолок, на корень у входа и привычно поправил иголки.

— Пожалуй, останусь здесь. И переделывать ничего не буду, — решил он.

АНАСТАСИЯ БУЛГАКОВА

МОРСКИЕ КАМЕШКИ

ЛИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

ТИХИЙ ВЕЧЕР

Лучики солнца за небо хватаются;
Ночь наступает, и вьются комарики.
Камешки весело в волнах купаются –
Серые, звонкие, гладкие шарики.

ШТОРМ

Крабика на берег занесло;
Как же малышу не повезло!
Шторм на море, волны всё сильнее.
Убегай, наш крабик, поскорей!

НОЧЬ

Влажный воздух, туман, тихий плеск,
На волны ложится месяца блеск;
Шумные чайки проснутся вскоре;
Всё это, друг мой, –
большое,
доброе
море.

РОДИТЕЛЯМ НА ЗАМЕТКУ

Яснов М. Д. Про все крутые времена года классные стихи (С-Пб: Волки на парашютах, 2023 – 139 с.) ISBN 978-5-6049454-6-9

Варвара Рыбина СТИХИ И ПЁСИКИ

Честно? – Я бы в жизни не взяла в руки книгу с названием из семи слов. Как советовать произведение другим или искать его в магазинах, когда каждый раз приходится задаваться вопросом «Да как там?..». Кроме того, обложка, украшенная названием с неоправданной инверсией, редко вызывает у придирчивого читателя что-либо, кроме недоумения. А я читатель придирчивый и нелюбезный, поэтому сперва участь быть осуждённым постигла и сборник Михаила Яснова «Про все крутые времена года классные стихи». Не вполне уместные оценочные прилагательные в заглавии «крутой» и «классный» на деле диссонируют с нежностью содержания. Они напоминают слишком яркую рекламу, за которой редко скрывается качественный продукт. Однако отложить эту книгу в сторону лишь из-за названия было бы фатальной ошибкой. Она – настоящая находка и имеет огромные шансы понравиться вам не меньше, чем ребёнку, младшему брату или сестре.

Прежде всего, стихи Яснова наполнены ощутимыми с первых строк искренностью, теплотой и любовью, которые обращены не только к маленькому читателю, но и к вам. Чуткость, с которой автор воспринимает окружающий его мир, заметна в описаниях шалящих ребятишек, дремлю-

щих зимой животных, падающих снежинок и ожидаемых с нетерпением праздников. Сверстники, домашние питомцы, жители леса и даже сама природа становятся участниками большой и доброй игры, где стоит лишь приглядеться, и всё вокруг оживёт. Книга и сама как будто играет с маленьким читателем, подкидывая ему идеи для детских забав: лепки снеговика, выращивания луковицы, создания самодельных ёлочных игрушек.

Радует и поэтическое мастерство стихотворений. Тексты Яснова с точными рифмами и постоянным размером не покажутся детям ни сложными, ни скучными. Образы зачастую просты, но не банальны: «прилёгший на крыши» снег, «пляшущий» ветер, «пушистые фуфайки» овечек. Ребёнок с лёгкостью сможет представить описанные предметы или явления и распознать их в других – как поэтических, так и прозаических – текстах. Короткие стихи просто учить наизусть, чтобы развивать речевой аппарат и память, а авторские неологизмы (например, «по-листья») могут вызвать у малышей желание самим придумать что-то похожее.

Вдохновляют на игру и картинки Кати Толстой, наглядные, яркие и очень приятные глазу. У меня с трудом получилось оторваться от изображённых ею лисят – слишком уж хороши! Цветные иллюстрации чередуются с чёрно-белыми, которые малыш сможет раскрасить сам. На полях хватит места для его собственных творений. И не только: скажу по секрету, что и серьёзные взрослые могут поучаствовать в акте творчества.

Увы, иногда из-за неудачной вёрстки нужная картинка появляется лишь через несколько страниц после соответствующего ей текста. Это слегка сбивает читателя, который желает любоваться кисочкой, когда стихотворение про кисочку, и зайкой, когда стихотворение про зайку, а не

листать книгу, чтобы встретиться с этими героями. Однако такая мелочь не портит впечатления от стихотворений, стоящих в одном ряду с классикой детской поэзии. Лирика Яснова универсальна, честна и задорна, а ещё она не боится поднимать «взрослые» темы и разговаривать с маленьким читателем об утрате или смерти. Если ребёнком прочитаны и любимы Корней Чуковский, Самуил Маршак, Агния Барто, ему наверняка понравятся и «...Классные стихи».

А ещё они могут понравиться тем, что за видимой простотой текстов скрывается продуманность профессионала. Посмотрите сами: это стихотворение называется «День рождения лужи».

Ушла пора пурги и стужи,
Сегодня —
День рождения лужи!
И ветер стих,
И полдень ярок,
И в сердце лужи всё светлей.
А небо сделало подарок
И подарило тучку ей.
У тучки
Розовое брюшко,
Она лежит в воде, как хрюшка...
Нет, в луже – всё наоборот:
У тучки
Розовая спинка,
Она лежит в воде, как свинка,
А может быть, как бегемот.
Но как её ни назови,
Лежит и тает —
От любви!

Только представьте, сколько весёлых игр вы сможете

придумать, читая эту книгу, какое удовольствие доставят и простые, и неожиданные образы и какой увлекательный досуг вы проведёте за раскрашиванием медвежат и пёсиков. Да-да, именно вы, а не ваше чадо. Я считаю себя взрослым человеком, но, думаете, мне не захотелось взяться за карандаш? В этом и волшебство творчества Яснова, усиленное мастерски созданными иллюстрациями Толстой. Они не оставляют равнодушным никого из тех, с кем соприкасаются. Так что раскрашивайте пёсиков и не стыдитесь. Только ребёнку оставьте чуть-чуть.

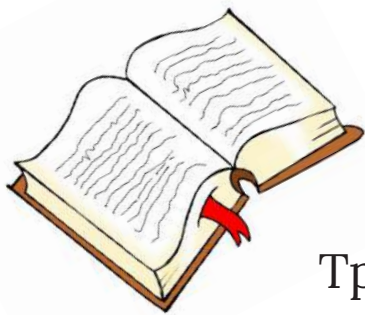
НАВСТРЕЧУ ЗВЕЗДАМ

6+

Ксения Валькова (НЕ) Хочу в школу

Я сегодня инвалид:
У меня нога болит.
В школу к знаниям не рвусь
И до завтра отосплюсь.

Вторник дома я провел,
Массу поводов привел.
У меня от баловства
Разболелась голова.

Третий день мелькнул в окне,
Хитро ухмыльнулся мне.
Подступила тошнота:
Я решил, что неспроста.

День четвертый миновал.
Я с постели не вставал,
Шмыгал носом, словно слон,
Издавая страшный стон.

В пятницу я подскочил,
Весь параграф изучил,
Но порыв свой обуздал:
На урок я опоздал.

О ЧЕМ ДУМАЕТ РРА

АЛИСА ПОЛЕНОВИЧ

Рра прыжками поднимался в гору сквозь джунгли. Высокая трава расступалась перед ним, земля разлеталась комьями. Он не успевал смотреть на горы: всё, что было перед его носом, смешалось в одно зелёное пятно. Рра спешил. Спешил так, что не успевал дышать.

Сегодня был очень важный день.

На голубом небе возвышалось большое жёлтое блюдце. Оно отсвечивало красками пламени, которого Рра с детства побаивался: однажды он подошел к костру с восторгом в глазах и благополучно обжег лапу.

С давних времён блюдце поддерживают тигры. Они берут его на свои плечи, закручивают хвосты кольцом и замирают на тысячи лет. Это большая честь – стать единым с небом и держать солнце. Солнце опалает лианы после сезона дождей, греет ростки, которые только появились на свет. Блюдце кормит джунгли, застыв вечным часовым над своими владениями и опираясь на широкие спины могучих кошек.

До того, как появилась земля, как бесконечная зелень джунглей покрыла холмы, в этих местах царила тьма. И тьма была раскалена до предела. Тогда и родилось солнце: оно вспыхнуло яркой точкой посреди мрака. И возникли тигры. Правда, им было тяжело выбираться из тьмы: она цеплялась за спины и лапы, тащила за

хвост и никак не отпускала. Так и остались на героических мордочках отметины. Но на этом не закончились испытания: блюдце падало, каталось по небу, как ему вздумается, и вовсе не понимало, что ему стоило застыть на месте и продолжать греть чёрную землю. Тогда все тигры договорились оставить игры и прильнуть к солнцу. Они прогнули спины, закрутили хвосты кольцом и замерли навечно.

Вот и подошел черёд Рра. Он с волнением ждал этого всю свою жизнь, смотрел на светило и не понимал, как может простой тигр удержать такую тяжесть. А не опаляют ли густую шерсть языки пламени? А не устают ли лапы опираться на облака? А не щекочет ли усы сильный ветер?

Мама всегда говорила Рра, что храбрый – это не тот, кто не боится, а тот, кто боится, но все равно делает то, что должен. И добавляла, что без страха живут лишь дураки, многозначительно смотря на брата.

И вот солнце вошло в зенит.

Рра поднял одну из своих лап и стал медленно, прижав уши, карабкаться к блюдцу. Он боялся, о кошки, как же он боялся! Но всё же он добрался до светила. Отдышавшись, Рра прогнул спину, ощутил на себе вселенскую тяжесть, чуть не забыл закрутить хвост... Но блюдце казалось слишком тяжёлым. Не было столько сил в таком маленьком Рра, чтобы нести на себе весь пылающий свет.

— Почему же ты такое тяжёлое, блюдце?! — зарычал в пустоту тигр.

— А что же ты ещё ожидал от светила? — возмутилось солнце в ответ.

— Ой, ты разговариваешь?

— Да, меня просто никто не спрашивает.

— Прости.

После некоторого молчания Рра решил снова заговорить.

— Блюдце!

— Не блюдце, а многоуважаемое солнце.

— Многоуважаемое солнце, вам не скучно быть тут одному?

— Мне не бывает скучно. Я солнце.

Видимо, злясь, солнце обдало Рра жаром, и тот вскрикнул. Его спина выгнулась, плечи опустились под тяжестью тысячи жизней, хвост встал трубой. А светило покатилося далеко-далеко.

Захлёбываясь слезами, Рра побежал обратно на горный пик. Было так обидно и страшно, что он понёсся вперёд, сминая под собой траву, разрывая лианы и растаптывая ростки. Остановился он только тогда, когда нашёл пещеру на границе джунглей. Там Рра хотел уснуть на несколько тысяч лет, пока не зарастёт мхом и не станет похожим на джунгли вокруг.

Но у мира были другие планы.

Рра почувствовал, как кто-то лизнул его нос. Он хотел было возмутиться, но вспомнил, что теперь он не тигр, а мох.

Однако кто-то принялся настойчиво вылизывать его уши. И вот тут Рра уже возмущенно прорычал:

— Кто здесь?

— Глаза открой, полосатик, — донёсся голос мамы. — Что же ты наделал?

Но когда его начал вылизывать второй язык, Рра открыл глаза и посмотрел на родителей.

Он бросился в лапы мамы с папой с жалобным “мяу”. Родители продолжили его вылизывать, приговаривая, что он весь измазался. Рра стыдливо молчал и старался не ворчать. Но было обидно, что он уже такой большой (ему ведь целых 5 лет!), а мама всё ещё обращается с ним, как с маленьким.

— Что же такое случилось, Рра? Почему ты не смог под-

нять солнце? — не удержался и спросил папа.

— Я не знаю, — задумчиво опустил глаза на землю Рра.
— Оно было таким большим, таким жгучим. Это так страшно... Скажи, со мной что-то не так? — глазами, полными слёз, обратился он к маме.

— Не беспокойся. Всё в этой жизни случается. Ты же могучий тигр, ты был создан с любовью, как сын света. А значит, ты создан правильно. По крайней мере, — тогда мама высоко подняла нос и выпрямила хвост, — ты мой тигрёнок, и ты такой, каким должен быть. Но, Рра, — тогда она посмотрела на сына со всей серьёзностью, — тебе нужно понять, что пошло не так, и вернуться к солнцу. Сейчас его держим мы, но вскоре нам понадобится твоя помощь.

— А что мне делать?

— Этого я не знаю. Раньше ни один тигр не прогибал спину под солнцем.

— До этого солнце и не обжигало тигров, — пробубнил под нос Рра.

Несколько дней он думал, как ему поступить. Он встретился с пантерой, леопардом и львом. Посоветовался с обезьяной, подрался с удавом. И вот, бегая на перегонки с ягуаром, Рра решил отправиться в кругосветное путешествие.

Мама с папой переживали, рыли землю когтистыми лапами, но отпустили сына.

Для начала Рра отправился далеко на север, в страну царей. О ней ему рассказывали птицы-ары, правда, они были такие себе рассказчики. Все попугаи говорят одинаково. Да и у тигров не принято говорить о том, что таится за джунглями: вдруг там опять раскаленная тьма? Вдруг там всё ещё холодно и совсем нет солнца? Вдруг там нет ничего?

Вскоре бесконечная зелень начала сменяться рассып-

чатым золотом. Рра был удивлен тому, что простиралось перед его глазами: горы, но ниже, чем в его краях. И все жёлтые. К его лапам приставали тысячи маленьких звёзд,

раскалённых, как само солнце.

Тогда он увидел странного маленького жука. У него были большие клешни и смешной хвост с крюком на конце.

— Извините, жук, а что это за мелкое золото под нами? — поинтересовался Рра.

— Привет, тигр. Я не жук, а скорпион. Под нами самый обыкновенный песок.

— Как это обыкновенный? — возмутился тигр. — Я ещё никогда такого не видел!

— Песок как песок, — поднял клешни в воздух скорпион. — А теперь убегай подальше, совсем скоро солнце войдёт в зенит и испепелит тебя, ведь ты чужой.

— Испепелит, ха! — поднял нос высоко тигр, — Да вся моя семья его держит. Не посмеет! Не сумеет!

— Какая чушь, — возразил скорпион, — ведь держат его верблюды между горбов.

Рра был в замешательстве. Как это тигры здесь не держат солнце? Что за странные верблюды и как они посмели отнять у тигров их великую цель?

Но солнце и вправду здесь держалось между верблюжьих горбов. Так получилось, что страна царей была создана из золота, а тьма пришла и разрушила всё в мелкую крошку, оставив лишь бескрайнюю пустыню. Единственным напо-

минанием о былом величии оставался прекрасный диск. Он держался посреди неба и одаривал всех бесконечным теплом.

Рра побежал дальше. Он побывал в большой стране, где море было бескрайним, а вместо солнца по волнам плыла рыба-луна. Тигр купался, насыщался этим солёным, пахнувшим йодом воздухом, а потом заглянул на север, где находилась земля хрустальная. Она, в свою очередь, была холодная и полна снега. Солнце, такое холодное,

вовсе не похожее на родное, держали снежные барсы. Они были полны гордыни, как и все кошки на свете.

Много где побывал Рра. Он увидел такую красоту, какая прежде не открывалась его взору. Он говорил с разными зверями, и даже встречал других тигров. У них были такие же могучие спины, полосы на теле, умная мордочка, но, что самое главное, они не держали блюдце. Тигры играли, любили, смеялись, охотились. Тогда в сердце Рра появилась тоска по родным джунглям. Его уже давно ждали мама с папой, его ждала великая судьба держателя солнца.

Но Рра не хотел. За все время странствия он понял: нет счастья там, где нет вдохновенья. Он не хотел стоять всю жизнь на облаках, не хотел, чтобы ветер щекотал его усы. Было страшно возвращаться домой, но Рра окреп. Он приготовился жить так, как желало его сердце.

Рра прибежал на тот самый пик горы, с которого и начались его скитания. В этот раз он знал каждый сучок, нежно обходил каждый цветок.

— Здравствуйте, многоуважаемое солнце! — обратился он к небу.

— Здравствуй, Рра. Я так долго тебя ждало.

— Солнце, великое наше светило. Ты могучей любого тигра, больше любого кита и золотистой любой пустыни. Но

я не могу тебя держать.

— Как это? — удивилось солнце.

— Я понял, что так я никогда не буду счастлив. Мне тяжело подставлять под тебя плечи.

— Но без тебя я обязательно рухну!

— Я видел так много солнц, пока странствовал, знаешь. И кто-то из них даже сам висел в небе. Ты никогда не пробовал так сделать?

— Разумеется нет. Я же солнце, а значит, меня должны нести на себе.

— Пожалуйста, прошу тебя, просто постарайся.

Солнечные лучи дрогнули, словно натянутые струны. Небо затрещало, воздух задрожал от невидимого напряжения. Казалось, ещё секунда — и оно расколется на тысячи огненных осколков. Рра зажмурился, ожидая катастрофы.

Но треск сменился тихим гулом. Гул перерос в звон, похожий на звук тысячи колокольчиков. Рра осторожно приоткрыл один глаз.

Солнце висело само! Никто не держал его, не сжигал себе шерсть. Блюдце, такое жёлтое и большое, грело землю, гладило между ушей тигров, дарило жизнь новым росткам.

— Оказывается, я просто забыло, что умею летать. Мне так нравилось, когда меня носили, что я разучилось держаться самостоятельно, — удивленно заметило солнце.

— Теперь я свободен, — промурчал Рра, — И остаётся... просто жить.

С тех пор тигры в джунглях больше не замирают статуями. Они бегают, играют, охотятся и спят. А солнце, великое и свободное, каждый день поднимается над зелёным морем листвы, чтобы возвестить о прекрасном себе. И если прислушаться, то в шелесте листьев можно услышать, как через них пробирается Рра, бегущий в новые страны.

Лолина Ершова

РАЗ, ДВА... ЯБЛОКО!

— Миша-а-а, беги скорее сюда! Дедушка с бабушкой приехали!

Сначала с кухни раздаётся звонкий голос, а затем оттуда выходит мама в фартуке и с клетчатым полотенцем, перекинутым через плечо.

— Привет, мам. Привет, пап. Нормально доехали? Без пробок?

Под разговоры взрослых в коридор выбегает Миша. В пижаме с динозаврами. Его тёмные волосы растрёпаны, будто только что проснулся. Но он просто 15 минут гонялся за котом, пытаясь отнести его в ванну и искупать.

— Бабушка! Дедушка! — он налетает на родных с объятиями. Они не виделись целую неделю! Это же вечность!

— Мишенька, здравствуй, мой дорогой! Ну-ну, не обнимай меня, у меня шуба холодная! — бабушка гладит внука по волосам, делает шаг назад.

Вся норковая шуба бабушки была усыпана узорчатыми снежинками, которые блестят, как маленькие звёздочки, хоть уже начали таять. Бабушка снимает её, вешает на крючок в коридоре. Туда же, где висит синяя Мишина курточка.

— Мишка! Как ты уже вымахал! Скоро выше деда станешь! — дедушка подхватывает внука на руки, поправляет его взъерошенные волосы. — Рассказывай, как дела?

— Ну деду-у-у-уль, я вообще-то уже взрослый! — Миша по-детски надувает губы. — И у меня всё хорошо! Я вчера в школе пятёрку по окружающему миру получил! Меня даже Галина Эдуардовна похвалила!

Дедушка ничего не отвечает. Он хрипло смеётся, опуска-

ет внука на пол и уходит в глубь квартиры – в гостиную, где папа уже час как смотрит хоккейный матч. Ни одного воскресенья в этой квартире не проходит без криков «Шайбу, шайбу!», кричалок команды и эмоциональных высказываний о работе судей. Миша иногда тоже сидит с ним, за компанию. Ему ну очень нравится смотреть, как папа размахивает руками, опрокидывая чашки с чаем.

— Бабуль, а что у вас с собой такое большое? Это торт?

Миша с искренним любопытством смотрит на пакет, который бабушка и дедушка привезли с собой. Он бумажный, с длинными шелестящими ручками. Обычно родные приходят в гости со сладостями к чаю: пирожными с заварным кремом, тортом с вишней или яблочным пирогом. Но его бабушка печёт только по особым поводам: если Миша получает пятёрку, мама покупает новое платье или папа приезжает из командировки.

— А это тебе подарок, Мишенька. Открывай скорее!

Бабушка смеётся, достаёт из пакета коробку. Она тёмно-синяя, как ночное небо, с небольшой вмятинкой на уголке. На ней изображены звёзды, планеты, а в центре – телескоп. Настоящий, блестящий, как у великих учёных.

Миша удивлённо смотрит то на коробку, то на бабушку, то на дедушку. Глаза у него становятся круглыми, совсем как пуговицы на пижаме. Через долгих десять секунд молчания мальчик всё-таки спрашивает:

— Бабуль, дедуль, а что это?

Дедушка смеётся, присаживается на корточки рядом с внуком. Он треплет его по макушке и добрым, хриплым голосом отвечает:

— Это телескоп, Мишка. Такой прибор, чтобы смотреть на звёзды и планеты даже из своей комнаты. Помнишь, ты рассказывал, как хочешь слетать на Венеру, когда вырастешь? Мы с бабулей подумали, что тебе будет интересно

взглянуть на неё поближе. Своими глазами, а не в книжке.

Миша ничего не отвечает. Он смотрит на коробку, как зачарованный. Расплывается в яркой улыбке, снова налетает на родных с объятиями. Теперь у него есть телескоп! Настоящий! Свой, собственный! Может быть, скоро он увидит Венеру прямо из дома. А может быть, и что-то побольше – Сатурн или Юпитер. На небе же столько звёзд и планет!

* * *

Вечером того же дня Миша сидит на подоконнике в своей комнате. Уже собранный дедушкой телескоп гордо стоит рядом. Мальчик весь день ждал, пока стемнеет и на небе появятся маленькие сияющие точки – звёзды.

Дверь в комнату распахивается. Внутрь забегают пушистый рыжий Барсик – хвост трубой, уши торчком. Он запрыгивает на подоконник, усаживается прямо возле Миши и телескопа, будто тоже хочет посмотреть на звёзды и Венеру. Следом за котом заходят дедушка и мама с кружкой ароматного горячего какао.

— Дедуль! Ну, сейчас-то можно уже? — мальчик с надеждой посмотрел на дедушку.

— Можно, Мишка, можно. — кивает дедушка. — Смотри быстрее!

Мальчик широко улыбается, берет у мамы кружку, делает маленький глоток. Какао приятно обжигает горло. Он ставит кружку возле себя и даже не думает о том, что своенравный Барсик может смахнуть её лапой. Сейчас Мишу волнует только одно – телескоп.

Он прижимается к окуляру, крутит его так, как показывал дедушка, и ахает. Перед глазом мальчика раскрывается полотно с теми самыми точками, которые он обычно видел только из окошка. Только теперь они намного больше, ярче

и красочнее.

— Ух ты! — восклицает мальчик. — Сколько их тут! Смотрите! Раз... два... Ой, яблоко!

Мишка удивлённо отстраняется от телескопа и поднимает глаза на взрослых:

— Мамуль, дедуль, а разве на небе могут быть яблоки?

Мама пожимает плечами.

— Не придумывай, Миша. Какие яблоки на небе? Может, на окуляре пятно? Пап, вы точно хорошо протёрли? — обращается она к дедушке.

— Точно, Свет, точно. Мишка, ты уверен, что там яблоко? Может, почудилось? Посмотри ещё раз.

Миша кивает, оборачивается и снова смотрит в окуляр телескопа. Через несколько секунд он говорит:

— Ну да, яблоко! Вот, тут раз звезда, два звезда... и яблоко! Правда, оно из звёзд, представляете? Может, я видел инопланетянское яблоко? Ну то, которое пришельцы едят!

Мама переглядывается с дедушкой. Она вздыхает и ласково говорит:

— Миша, ты уже взрослый мальчик. Ну какие пришельцы и яблоки на небе? Хватит выдумывать. Ты просто тот ещё фантазёр, вот и всё.

— Но мам! — возмущается Миша. — Я не фантазёр! Тут правда яблоко! Вот, ну сама посмотри!

Мама цокает языком, подходит ближе. Присаживается возле сына, смотрит в телескоп.

— Ну нет, Миша. Я вижу тут только звёзды. Раз, два, три, четыре... Очень много звёзд. Не выдумывай, сынок. Сейчас насочиняешь, что у нас на небе яблоки растут, расскажешь всем, а мне потом краснеть за тебя. Иди лучше ужинать, а то весь день только о своей игрушке и думаешь.

Миша чуть не заплакал от таких слов. Он? Фантазёр? Ну он же правда-правда видит там яблоко! Самое настоящее!

Мальчик с надеждой поднимает глаза на дедушку, ищет в нём поддержку.

— Дедуль, ты мне тоже не веришь, да?

— Мишка, — дедушка подходит к внуку, ерошит его волосы. — Я тебе верю. Но ты сам подумай: как на небе могут расти яблоки?

Миша шмыгнул носом, снова заглядывает в телескоп. Он снова пересчитывает звёзды. Раз, два... Ну, вот же! Дальше звёзды складываются в настоящую форму яблока! Вот тут они закругляются, вон там — черешок и листик.

— Ну вот же оно! Такое, большое, звёздное — у него даже листик есть!

Мама снова цокает языком, успокаивающе касается плеча сына рукой.

— Мишунь, ну хватит. Пойдём с нами чаю попьём? А потом «Спокойной ночи, малыши!» посмотрим. Ладно?

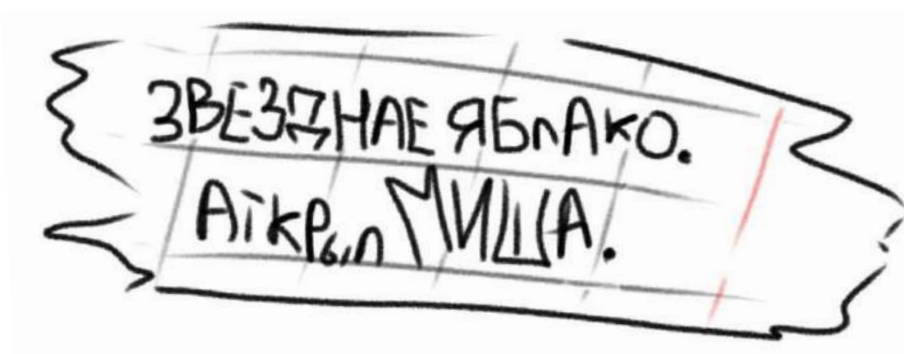
— Нет! — воскликнул Миша. — Я не хочу пить чай!

Взрослые одновременно вздыхают, переглядываются. После этого они выходят из комнаты. Барсик выбегает за ними, чуть не смахивая кружку с какао с подоконника. Миша остаётся один.

Он подбегает к своему письменному столу, где хранятся тетрадки. Достает оттуда яркий синий блокнот с машинкой на обложке.

— Ну и ладно! — бубнит он себе под нос. — Пусть не верят! Я им всем ещё докажу!

Мальчик открывает блокнот на чистой страничке, берет фломастеры и начинает рисовать то, что увидел в телескопе. А внизу – подпись:

* * *

И через много лет мечта Миши о звёздах не угаснет. Мальчик, который хотел увидеть Венеру в телескоп и смотрел на звёзды каждую ночь, стал астрофизиком. Более того, он вернулся к своему детскому рисунку в блокноте и доказал всем, что яблоко на небе – не выдумка: фантазия мальчика стала настоящим созвездием.

А всё потому, что маленький Миша когда-то упрямо твердил: «Раз, два... Яблоко!»

Полина Карпова

НЕ СОВЕРШЕНСТВО

Я очень хорошо помню тот день. Хотя прошло уже семь лет.

Мама вела меня по длинному коридору с красным ковром. Я смотрела на высокие двери по правой стороне. Солнце из окон слепило глаза. Последняя дверь была открыта, и я в неё чуть не врезалась: «Кто её не закрыл?!» Полилась мелодия. Я заглянула за дверь. Девочка стояла посередине зала. Предмет, который она держала в руках, издавал волшебные звуки. Я так и осталась у двери, маленькая девочка с открытым ртом и горящими глазами.

Вы когда-нибудь задумывались о том, что родители определяют судьбу ребёнка? Кого из детей не приводили к чужой тёте со словами: «Знакомься, это Ирина Викторовна, твой учитель по рисованию». И потом пять лет надо таскаться в эту художественную студию, хоть бы она закрылась! А всё потому, что рисование было маминой несбывшейся мечтой.

А есть родители, которые делают по-другому, не знаю – что хуже. С трёх до шести лет тебя записывают на все секции, которые есть в городе. Это называется «право выбора» и «поиск себя».

Моя мама делала именно так.

Я стояла на сцене в русском народном платье и с намазанными красными губами.

Вся перепачканная краской, я приносила домой очередной шедевр, и мама вешала его на стену в коридоре.

Я выступала на ковре с затянутыми в шишку волосами, да так затянутыми, что было сложно открыть глаза. Плавала в

бассейне, захлёбываясь в криках тренера: «Ещё один круг!» И даже пыталась кататься по льду на двух железных ножах, прибитых к ботинкам.

Я была «счастливым» ребёнком, которого забирали с тихого часа. Подружки в детском саду завидовали. А мне это «свободное время» приходилось тратить на рисунки, скалки, бассейн и странные движения у деревянной палки в зеркальной комнате.

Конечно, я многому научилась. Чего только мне не приходилось делать! В комнате есть ящик, в котором лежат бисер, бумага, пуанты, краски, книги, костюмы с гимнастики, лыжные ботинки...

У маминых знакомых тётей почему-то есть привычка спрашивать: «А чем наша девочка увлекается?» Да если бы они знали, сколько секций я могла посетить за месяц! Мама отмахивается от этих вопросов и просто говорит, что я способная. Но настырные тёти не отстают. Они начинают восхищаться, обращаясь к своим дочерям: «Какая талантливая девочка! Учись, Люся, нужно быть как дочка тёти Маши. Как же она у вас всё успевает?» И никто не думал спросить меня, хочу ли я быть «талантливой девочкой» и «всё успевать»?

Я бы тогда ответила, чего я хочу. Бегать с подружками. Прыгать по лужам. Есть снег! А не сидеть в душных кабинетах под надзором суровых Ирин Викторовн и Елен Васильевн. Я обычная девочка, пожалуйста, не делайте из меня совершенство.

Я хорошо помню каждую новую мамину попытку «раскрыть мой талант».

– Сегодня мы идём на танцы, – сказала она как-то, заходя утром в комнату.

– Но я уже была там!

– Это другие танцы, на этот раз точно понравится.

И вот я сижу в концертном зале и смотрю на девочек рядом. Все одеты в какие-то неудобные, тонкие, чёрные обтягивающие водолазные костюмы, на голове уже знакомая шишка, на поясе кусок ткани, напоминающий юбку. Все с интересом крутят головами, залезают с ногами на кресла. Я сижу ровно.

Выключился свет, поднялся занавес, и белый луч ударил в центр сцены. В кругу света стояла девочка, чьи движения отличались от чётких линий гимнастики. Руки скруглялись, образуя мягкие формы, к которым я не привыкла. Они выглядели так маняще. На лице не было привычной улыбки, но было что-то другое. В ней не было того наигранного счастья, которое обычно требовали Елены Васильевны и Ирины Викторовны. Была лёгкость и свобода. Засмотрелась на танцовщицу, я будто вместе с ней окунулась в то состояние полёта, которое ощущалось в девочке.

Теперь я была готова танцевать. Посмотрела в зеркало. Передо мною стояла маленькая пухлая девочка. Она крепко сжимала пальцами край юбки, рассматривала своё лицо. Может быть, тут моё место? Хореограф поставила нас в центр зала, и началось привычное занятие. Ничего нового: прыжки, деревянная палка, наклоны. Хореограф сказала: «Сначала вы должны выучить базу». Я не хотела проходить элементы заново. Девочка на сцене – всё, что крутилось в голове, а не эти скучные движения, которые я делала сто раз.

– Мама, я не хочу сюда ходить.

– Почему?

– Не нравится.

На следующий день мы пошли в другое место. Это был подвал в пятиэтажном здании. Кирпичные стены, тусклый свет, стулья, расставленные полукругом. Мама посадила меня в середину полукруга. Началась новая история. На

центр выползли несколько человек. Один гавкал, другой мычал, третий прыгал между ними, как зайчик. Все смеялись. Я вскочила с места и начала ползать между собакой и коровой. Зал ещё больше захохотал. Я смутилась, вскочила и выбежала. Мама подошла ко мне, обняла.

– Ты не хочешь выступать на сцене?

– Я не хочу, не хочу сюда приходить!

Больше мы не возвращались в тот подвал.

Целую неделю я ходила в сад, прыгала по песку, смеялась с подружками. Здесь нестрашно было показаться смешной. Каждая из нас была и зайчиком, и собакой, и танцевала так, как нравилось, без неудобных платьев и красной помады, которая всё время размазывалась.

Неделя пролетела быстро. Мама пришла ко мне в комнату, села на кровать и обняла.

– Тебе правда не нравится заниматься в кружках?

– Я хочу учиться, но это всё скучно. Я хочу другого.

– Если хочешь, то обязательно сделаешь.

В обед мама пришла в садик. Я с довольным видом прошагала мимо обедающих одноклассников. Меня опять забирают с тихого часа!

– Куда мы идём?

– В волшебный мир, – ответила мама.

Мы подошли к белоснежному трёхэтажному зданию с колоннами у входа и арками вместо окон. Я запрокинула голову, пытаюсь увидеть крышу. Мне казалось, что в этом доме должны жить важные тёти и дяди, которые приходят сюда в нарядных платьях и обсуждают важные вопросы. Наверное, за домом есть сад с фонтанами, там ходят павлины и летают попугаи!

Мы поднялись по каменной лестнице. А дальше – вы знаете. Мама вела меня по длинному коридору с красным ковром. Я смотрела на высокие двери по правой стороне.

Солнце из окон слепило глаза. Последняя дверь была открыта, и я в неё чуть не врезалась: «Кто её не закрыл?!» Полилась мелодия. Я заглянула за дверь. Девочка стояла посередине зала. Предмет, который она держала в руках, издавал волшебные звуки. Я так и осталась у двери, маленькая девочка с открытым ртом и горящими глазами.

Я почувствовала, как рука коснулась моего плеча. Высокая женщина наклонилась. Мне показалось, что она ангел. Её улыбка сияла, а золотистые волосы переливались на солнце. Как сейчас помню, я хотела взять её за руку и войти в зал, где играла девочка. Мне казалось, что этот прекрасный ангел должен находиться там, где льётся мелодия.

– Нравится? – шёпотом спросила женщина, щекоча волосами моё лицо.

Я промолчала, что не нарушать магию, которая происходила вокруг. Но музыка всё равно прервалась.

– Здравствуйте, Анжела Юрьевна, – сказала мама.

– Это ваша дочь? – спросила ангел.

– Да, мы хотим попробовать, – произнесла, как всегда, мама. – Мне кажется, ей понравится.

Началась моя история. Это здание стало для меня вторым домом. Я бежала сюда каждый день, в жару, в дождь, в снег. Склонялась над нотами. Сначала инструмент не слушался, но я усердно, высунув кончик языка, водила палочкой по нитям, которые были натянуты на деревянный инструмент.

С того дня, когда мама привела меня в это волшебное место, прошло семь лет, а в голове до сих пор крутится фраза: «Если хочешь, то сделаешь». Я запомнила эти слова и повторяю их каждый день. Все эмоции и переживания, радость от предстоящих событий я выплёскиваю в музыку. Как только две части инструмента соприкасаются, начина-

ется волшебство. Эти две части нужны друг другу, как мне музыка. Без одного элемента у другого не получится магия. На сцене, в луче света, я представляю, что нахожусь на берегу океана. Шум волн перебивает мелодию, но не заглушает, а вливается в неё.

Я на сцене, зрители окутаны темнотой. Поднимаю руку со скрипкой к плечу. Взмах смычком и тишина...

МИЛАНА МЕДВЕДЕВА

Что лежало в старом чемодане?

— Лея, спустись!

— Уже бегу, мам!

Девочка усердно дорисовывает ярко-оранжевый апельсин цвета её кудряшек. Быстро чиркает маркером по шершавой бумаге.

— Готово! — радостно объявляет Лея, разглядывая получившийся шедевр. Откладывает.

— Лея, я жду тебя внизу!

— Ой!

Девочка вскакивает со стула, выбегает на лестничную площадку и тут же встречается с рыбками, усердно спорящими о чем-то... Она высыпает им немного корма и, понаблюдав, как те с радостью его поедают, вспоминает про свой апельсин.

— Забыла!

Лея возвращается в детскую, где пахнет сладким. Конечно, она ведь не зря опрыскала апельсин мамиными духами! И наконец направляется в сторону лестницы. Встаёт на первую ступень, потом прыгает к следующей и тихо напевает:

— Раз ступенька, два ступенька, — будет лесенка!

Так она добралась до следующей лестничной площадки. Здесь её внимание привлёк большой узорчатый веер, что висел на стене. Она стала разглядывать орнамент. Надо же, эти краски есть и на её рисунке! Мама выходит из кухни и, скрестив руки на груди, наблюдает за мечтательницей.

— Леечка, ну сколько можно тебя звать? Оладьи остывают, и у меня есть к тебе серьёзный разговор.

Настроение тут же портится. «Серьёзный». О чём она хочет поговорить? Почему именно с Леей? Барсик рассказал ей, что она взяла её духи? Или может... мама услышала запах? Непонятно... Уже не так весело прыгая, девочка преодолела оставшиеся ступеньки и вошла в кухню.

Пахло невероятно, всё-таки мама была в доме вторым по рангу шеф-поваром. Бабушку ни за что не переплюнуть, но соревноваться с ней она могла почти на равных. Но не сейчас: «лучшую работницу предприятия» отправили в санаторий.

Шлёп – на мягкий диван!

С грохотом о стеклянный стол ударяется керамическая тарелка, на которой так много вкусных оладий.

— Ма-а-ам... а я стану великой художницей! — начала Лея, стараясь отвлечь маму от серьезного разговора. — Смотри, какой сочный апельсин у меня получился! Девочку я не успела нарисовать, но все равно не хуже, чем у Серова.

Мама погладила Лею по голове, но мыслями была не с ней. Лея вопросительно посмотрела на маму. Куда она смотрит? Что её беспокоит? Почему она молчит?

Молчание это продлилось недолго.

— Звонили из больницы, дедушку выписывают завтра утром.

Мама сделала глубокий вдох, посмотрела в окно, на соседку, что копалась в грядках, потом на серебристый чайник и наконец остановилась на лице маленькой Леи.

— Мам, я уже совсем как взрослая, говори прямо! Если я хочу стать гениальной художницей, мне непременно надо всё-всё знать, иначе как я смогу это всё-всё изобразить на своих картинах?

Мама улыбнулась и снова погладила Лею.

— Дедушка может забыть в скором времени и вкус апель-

сина, который ты нарисовала, и нас с тобой, милая...

— Как это?

Как может забыть? Её? Да быть такого не может. Мама шутит? Непохоже...

— Понимаешь, милая, когда ты становишься старше, время течет быстрее, и ты не успеваешь за ним, всё мешается в воспоминаниях и забывается.

— И никак нельзя вспомнить?

Мама задумалась и, приобняв дочку, посмотрела на стеклянную вазу, в которой стояла сорванная с клумбы белая роза.

— Посмотри на розу — я сорвала её в нашем саду, и сейчас она ещё не до конца распустилась. Завтра её бутон раскроется. А через пару дней начнёт увядать. Увядание невозможно остановить, но можно замедлить. Если бы я не меняла ежедневно воду и не обрезала стебелёк, она бы увяла гораздо раньше. Понимаешь? Просто проводи побольше времени с бабушкой.

Девочка внимательно вслушивалась в каждое слово, даже апельсин отложила подальше. А ведь правда, цветы в их доме всегда так долго стоят и радуют глаз.

— Мам, а ты можешь достать с чердака наш чемодан для путешествий? Тот, старенький?

Не задавая лишних вопросов, мама кивнула и чмокнула дочку в лоб.

Завтрак прошёл прекрасно: пока Лея набивала живот и соревновалась с Барсиком, выясняя, кто больше оладий сможет съесть, мама вернулась с чердака.

— Держи, я протёрла его от пыли, но не открывала.

Лея тут же выскочила из-за стола и прижала чемоданчик к себе, поблагодарила маму и побежала готовиться к при-

езду дедушки. На коричневом кожаном чемоданчике поблёскивали наклейки из Анапы, Сочи, Уфы, Екатеринбурга и её любимого Санкт-Петербурга. В этом году девочка уже собиралась с семьёй в Москву, мечтала погулять по Красной площади и побывать в зоопарке. Впрочем, сейчас у неё была задача поважнее.

Дверь в комнату распахнулась. На полках уже красовались необходимые для дела вещи. Весь вечер Лея провела в комнате дедушки, мастера новый уникальный шедевр. Она наполнила чемодан памятными вещами: одеждой, книгами, билетами, фотографиями.

Настало утро. Ночь от волнения была беспокойной. Лея спрыгнула с кровати, заправила её, почистила зубы и в восемь утра уже сидела в кресле рядом с прихожей. Каждые пару секунд она оборачивалась к железной двери и ждала, когда придут мама и дедушка. Тут кое-что всплыло в памяти.

— Роза... — шёпотом произнесла девочка и, вскочив с кресла, побежала на кухню. Стоит. Распустилась. Она краше всех роз из сада! Вроде бы белая роза, а сердцевина оказалась нежно-розовой... Лея подошла ближе и стала разглядывать цветок. Почувствовала запах. Один в один как мамины духи. Или это не от розы? Она осмотрела кухню и заметила свой апельсин, который мама повесила с помощью магнитиков на холодильник.

— Прямо как в галерее!

Входная дверь закрылась. Лея подбежала к дедушке и бросилась ему на шею. Она была так рада видеть его. Такое счастье было невозможно передать с помощью гуашевых красок или запаха маминых духов. Его нельзя было рассмотреть в Третьяковской галерее или попробовать на вкус. Невозможно увидеть в передачах телеканала «Домашний». Возможно только пережить.

Лея взяла самые тяжёлые сумки, а дедушка оперся на маму. Так они дошли до спальни, где старика ждал его старый чемоданчик. Да, тот самый кожаный чемоданчик, который он купил ещё во времена Советского Союза за двадцать пять рублей. С ним он ездил в первые рабочие командировки, путешествовал с дочерью и с внучкой. Тот самый чемоданчик с расшатанной ручкой. Он не выпускал его из рук всё то время, когда ещё мог свободно путешествовать, не боясь заболеть простудой или чем пострашнее.

— Это... он?

Дедушка посмотрел сначала на любимую дочь, потом на внучку. Лея торопилась скорее показать дедушке, чем занималась весь вечер, и тот покорно сел по другую сторону чемоданчика на кровать.

В коридоре зазвонил телефон, и мама убежала. С дедушкой осталась только Лея. Они могли подолгу без слов смотреть друг на друга и ждать начала волшебства. Недаром говорят, что старики тянутся к детям и наоборот.

— Дедуля, смотри! Это – машина времени, и я хочу с тобой поиграть.

— Во что? — с тяжёлой улыбкой прохрипел дедушка, стараясь не кашлять каждые две минуты.

— В путешествие, конечно! Я открываю чемодан, а ты достаёшь оттуда любую вещь, каждый день – по одной истории об этой вещи. А я записываю!

Дедушке нравилась эта игра. Он очень любил вспоминать прошлое, особенно свои путешествия, которые теперь оказались ему недоступны. Замок чемоданчика щёлкнул, и морщинистая рука достала оттуда старый пожелтевший снимок. Дедушка долго рассматривал фотографию, не-

произвольно улыбаясь. Это было лето 1977 года. На снимке стоят его жена с младенцем на руках, и сестра Леиной мамы, тогда еще совсем маленькая. Фото было сделано в день выписки из роддома.

— Помню, в тот день было очень жарко... — стал рассказывать своим скрипучим голосом дедушка, периодически откашливаясь. — Мамку-то твою только-только нам с Людой отдали. На выписке только мы и были, не как сейчас у молодёжи заведено всю округу тащить. Это был семейный праздник, наше личное счастье. Светка ещё совсем маленькая, так рада была, что сестричка родилась... Во дворе-то у них одни пацаны, вот ей и подруга-то... Очень нам помогала. Люда худющая была, тяжело ей было и вынашивать доченьку, и потом за ней ухаживать... Была история такая: уехал я в командировку, а Людка со Светкой пошли в «Волну» за шампунем. Тогда ещё всё по очередям было, стоять приходилось долго-долго... Заняла она очередь, стоит спокойно себе, и тут нахал какой-то выпихивает её из очереди. А она так долго очередь эту держала... И за мамой моей ухаживала, пока я в отъезде был, ей, парализованной, шампунь ну очень нужен был... А этот! Эх...

Голубые глаза погасли.

— Представляешь, она пытается обратно на своё место встать, а он ей как... и по голове... Телефонов тогда не

было, Светка бежит скорее в больницу за врачами, слава богу, обошлось! Я тогда сорвался с работы, конечно, за мамой сам ухаживал, о Люде любимой не забывал...

Немного помедлив, дедушка вдруг встрепенулся.

— О! А в девяностом году...

И принялся рассказывать новую историю из своей жизни. Лея сидела рядом и записывала своим детским почерком за дедушкой все, что успевала услышать. Мама наблюдала за их диалогом, и ей становилось легче. Так появилась традиция: каждый вечер Лея прибегала к дедушке и записывала его истории в свою двенадцатистовую тетрадку. Только вот... Лея не успела даже исписать тетрадку, как роза увяла, и, придя однажды из школы, на зеркалах девочка увидела белые полотна. Мама и бабушка сидели на кухне и плакали. Заслышав шаги, они успокоились, насколько это было возможно, обняли Лею, и та всё-всё поняла.

Всё же она взрослая. Правда, слёзы сами собой покатились по щекам, не спрашивая никакого разрешения.

РОДИТЕЛЯМ НА ЗАМЕТКУ

Станислав Востоков. Как правильно пугать детей (М.: Редкая птица, 2016 – 24 с.) ISBN 978-5-9906767-6-3

Арина Филиппова Как правильно не рассмешить читателя

Не выучишь уроки – станешь дворником. Не будешь мыть руки – прилетит черная рука. Зайдешь за угол – съест Ба-байка. Станислав Востоков в книге «Как правильно пугать детей» предлагает проверить угрозы родителей на практике. Дворником, конечно, никто не становится, а чудовища из сказок оказываются не такими страшными. Автор насмехается над привычными методами запугивания. Однако достаточно ли вывернуть ситуацию наизнанку, чтобы удачно пошутить?

Первая часть книги – это череда миниатюр, построенных по одному общему принципу: взрослые пугают ребенка, а действительность переворачивает всё по-своему, опровергая эти страхи. Такой приём позволяет автору высмеивать действия родителей без морализаторства. Но приём быстро исчерпывается. Прочитав несколько страниц, читатель уже не удивляется происходящему, а ждет очередную обязательную развязку.

Персонажи появляются в книге лишь затем, чтобы шутка состоялась, и тут же исчезают. Это вполне неплохо для миниатюр, детская проза не обязана предлагать сложный сюжет или психологические конфликты. Однако в таком случае основную нагрузку несут язык, точность и острота высказывания. В книге Востокова же всё сводится к тому,

чтобы поскорее прийти к финалу. Юмор становится механическим, волшебство исчезает, как только устройство шутки становится понятным.

Ещё любопытнее вопрос: кому же адресована книга? Обилие иллюстраций, короткие тексты, простая речь – всё указывает на младший школьный возраст. Но неожиданно в одном ряду с Бабой Ягой, Кашеem и медведями появляются Николай Басков, Сергей Безруков и Анастасия Заворотнюк. Медведь, похожий на Баскова, должен, очевидно, придать богатой берлоге оттенок эстрадной роскоши. Но поймет ли эту шутку ребёнок? И даже если узнает имя певца, станет ли история от этого смешнее?

Скорее всего, такие намёки предназначены взрослому. Хорошие книги нередко говорят с двумя поколениями одновременно. Но здесь второй уровень понимания заканчивается узнаванием знаменитости. Взрослому предлагают не тонкую иронию, а знакомую фамилию. Детям она мало что объясняет, взрослым – мало что открывает.

У подобных шуток ещё и ограниченный «срок годности». В 2016 году отсылки к телевизионным знаменитостям могли быть очевидными и понятными всем, но спустя десять лет они нуждаются в пояснении. Конечно, сама примета эпохи – неплохая идея, но, когда юмор построен на узнавании, комический эффект исчезает вместе с его потерей. Востоков будто сознательно ограничивается смехом «сегодняшнего» дня.

Вторая часть, «Школьные народные сказки», обещает что-то новое. На смену детским страхам приходят другие сюжеты: буквальное понимание устойчивых выражений, суды с Пушкиным и Лермонтовым, сон Менделеева и Иван Грозный. Внимание читателя – если он дочитает до этого момента – вновь вернётся, но снова лишь на пару историй. За разнообразием сюжетов довольно быстро обнаружива-

ется прежний принцип: неожиданная абсурдная ситуация и неожиданная концовка. Некоторые задумки действительно остроумны, но они не раскрыты так, чтобы захотелось посмеяться.

Отдельного признания заслуживают иллюстрации Ольги Демидовой. Лёгкие и смешные, они удачно соседствуют с абсурдными историями Востокова. Но книга состоит не только из оформления, оно не способно заменить литературную выразительность.

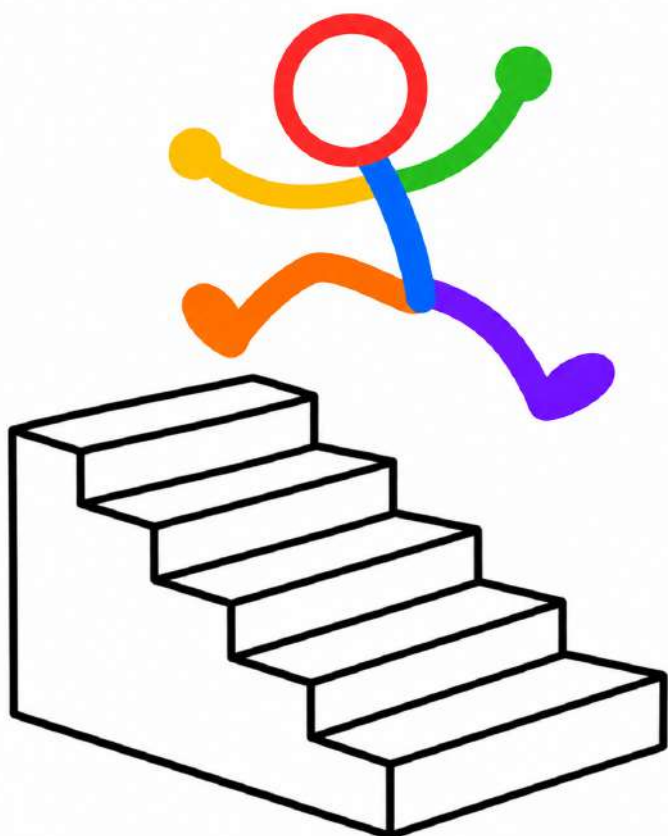
И всё же главная проблема книги заключается не в самой идее. Напротив, мысль обыграть детские страхи и родительские угрозы выглядит свежей и интересной. Она открывает простор для фантазии и по-настоящему остроумных наблюдений. Но чем привлекательнее замысел, тем большего ждешь от его воплощения. Востоков словно останавливается на полпути: придумывая интересную ситуацию, он не раскрывает идею до конца. В итоге книга оставляет ощущение упущенного потенциала.

«Как правильно пугать детей» вряд ли заставит читателя долго скучать – она для этого слишком коротка. Ребёнок, возможно, посмеётся над безобидными страшилищами и забавными иллюстрациями. Но хорошая книга не должна заканчиваться одной улыбкой – её хочется перечитывать и вновь к ней возвращаться. Судьба этой книги, вероятно, довольно печальна: её прочитают один раз, и, если дочитают до конца, поставят на полку и вряд ли захотят снова взять в руки.

ЧЕРЕЗ СТУПЕНЬКУ

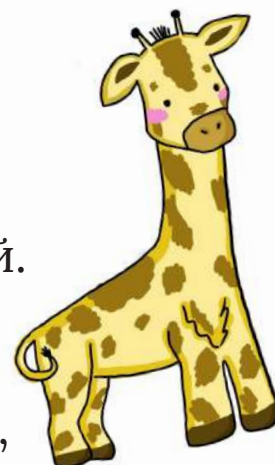
8+

АНАСТАСИЯ УСТИНОВА

НАСТОЛЬНАЯ ИГРА

Когда жираф выходит на охоту,
Он улыбается игривою улыбкой,
Он посылает знаки бегемоту –
И прячется под солнечной накидкой.

Он тайно заползает по лианам,
Напялив шапочку из кожуры банана,
На шею накрутив, как шарф, варана,
А бегемот глядит из океана.

Он отправляется в дорогу с песней,
И какаду скрипят, как скорлупа кокоса,
И бубенцом звучит питон-кудесник,
И подвывают на валторнах осы.

Он нападать готовится с азартом,
Виляет попой в стиле леопарда...
Припал на лапы, сделал ход на запад.
Он динозаврик. Остров – это карта.

Мария Литвинова

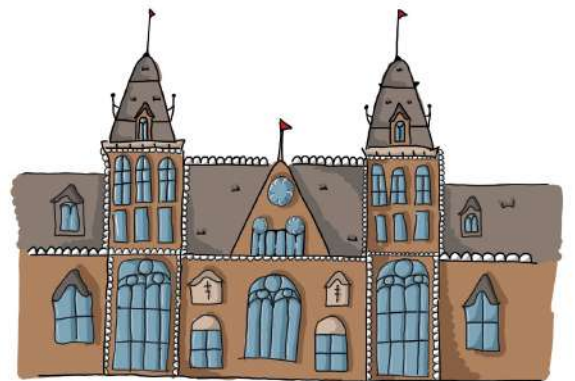
ТРИ СЕКУНДЫ НА ШЕДЕВР

Темнота в музее не бывает чёрной. Если пролежать под дубовой скамьей три часа, свернувшись калачиком, темнота становится цвета старого, мутного лака – тёмно-коричневой, маслянистой. Она густеет по мере движения стрелок на больших напольных часах, впитывая ароматы вековой пыли, полироли и застывших масляных красок. Музей кажется огромным спящим зверем, который вдыхает историю, а выдыхает тишину.

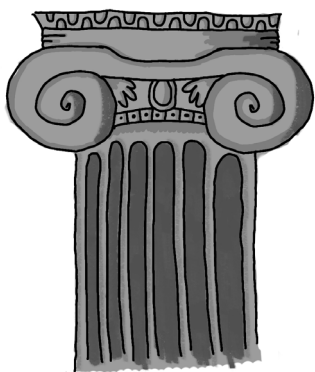
Именно такую деталь заметил Ноа. Он уже третий час неподвижно лежал под скамейкой в одном из залов Рейксмузеума. В главном музее Нидерландов уже сорок три года работает дедушка нашего героя. Для Ноа Лука не просто родственник, а настоящий проводник в параллельные миры. Он горит любимым делом и каждый раз, когда Ноа приходит к нему в гости, рассказывает внуку истории о художниках и картинах, они вместе слушают классическую музыку. Под тихие переливы виолончели или скрипки старый искусствовед оживляет давние эпохи, превращая сухие факты в захватывающие легенды.

Вся семья Ноа тесно связана с искусством. Его мама и папа – скрипачи национального филармонического оркестра. Их очередной отъезд на гастроли несколько не смутил мальчика. Даже наоборот, он очень обрадовался, когда услышал эту новость: как минимум всю ближайшую неделю он будет с дедом!

Дедушку в том музее знают и любят. Его спокойное, добродуш-

ное лицо и нескончаемый запас историй заставляют улыбаться даже самых строгих зрителей. Кажется, даже статуи в коридорах едва заметно кивают ему в ответ. Работники и посетители приходят в восторг, когда пожилой историк искусства прибывает на рабочее место вместе с любознательным фанатом Рейксмузеума.

Для Ноа это место всегда казалось пропитанным магией: цветные стёклышки витражей похожи на картины, но почему-то через них видно улицу, если приглядеться. Самые красивые «стёклышки» находились в галерее перед большим залом. Они завораживали и удивляли.

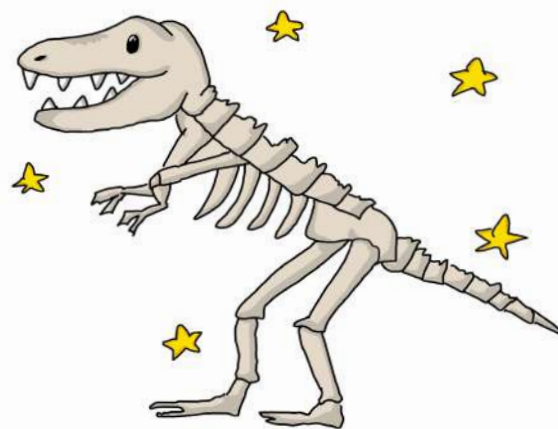
Высокие арочные окна пропускали лунный свет, и этот свет преломлялся, отбрасывая на полированный пол таинственные рубиновые и изумрудные блики. Большие расписные столбы уходили под самый потолок. Чтобы хорошо разглядеть, что там наверху, голову приходилось задираť очень высоко. «Золотые завитушки», – говорил Ноа, постоянно забывая, что верхняя часть колонны называлась капителю. Он всегда старался запоминать термины и факты, рассказанные бабушкой.

Но гораздо более важным для него казалось то ощущение прекрасного, которое он испытывал, гуляя по залам среди картин. Ему нравилось думать о том, что большинство картин, которые он привык разглядывать, написаны в стародавние времена именно здесь, в Нидерландах. Ноа любил представлять, как Рембрант неспешным шагом прогуливается по тем же улочкам, что и он сам.

Вместе с бабушкой они часто пересматривали понравившееся кино, обсуждали новые фильмы. И накануне событий, произошедших этой ночью, ими была просмотрена

«Ночь в музее». Бегающий по залам скелет тираннозавра, разгуливающая статуя Рузвельта и мумия фараона Акменра натолкнули мальчика на мысль, что на самом деле абсолютно во всех музеях после захода солнца и вечернего обхода охранника герои картин и другие безмолвные обитатели оживают: ходят по залам, читают книги в библиотеке и обсуждают посетителей. Никто не остается в стороне. За сто с лишним лет все успели подружиться.

Как же получилось, что маленький мальчик оказался ночью в тёмном музее? Один на один с тишиной, которая была совсем не такой, как дома. Не было слышно проезжающих под окнами машин, разговоров людей, поздно идущих с работы.

Время будто остановилось, потому что он не знал, когда в последний раз слышал шаги охранника.

Чтобы проверить свою догадку, Ноа решился на обман. Они с дедушкой сидели в зале библиотеки, и Ноа очень тихо, стараясь не помешать остальным, сказал:

– Дедушка, можно я сегодня останусь с ночевкой у Робина? Он сегодня в школе предложил, чтобы я пришёл к нему. После ужина меня угостят яблочным пирогом. По крайней мере, так сказала его мама.

– Почему бы и нет, – не задумываясь согласился Лука.

Ноа никогда не давал повода не доверять ему: всегда приходил вовремя, делал все домашние задания и приносил из школы только отличные оценки.

«Фух, пронесло», – с радостью подумал мальчик. Всегда при волнении он теребил родинку на мочке уха. В редкие случаи, когда приходилось немного привирать, не мог остановиться и не трогать её. Этот разговор не был исключением. Мама с папой знали эту привычку и быстро выво-

дили на чистую воду сына. Но дедушка был в приподнятом настроении и не обратил внимания на такую мелочь.

Шалость удалась! И вот уже время посещения близилось к концу, последние посетители покидали залы, музей медленно погружался в сумерки, и золотые рамы картин вспыхивали в последний раз, прежде чем погаснуть. Ноа попрощался с дедушкой и пошёл к выходу через нескончаемые ряды стеллажей. Его шаги постепенно становились все тише. И когда за ним захлопнулась дверь, Лука был спокоен. Но лучше бы он всё-таки удостоверился, что внук вышел из музея.

На самом деле мальчик, стараясь остаться незамеченным, как ниндзя, пробрался в зал, где висела картина Рембранта «Ночной дозор», и залез под скамейку. Ему не было страшно, скорее в душе теплилось искреннее желание разобраться в магии музея. Не врёт ли зрителям полюбившийся фильм? Очень сильно не хотелось разочаровываться, поэтому, стараясь думать только о хорошем, он решился на эту авантюру.

В совсем не чёрной темноте Ноа выбрался из-под крепости, защитившей его от посторонних глаз. Было страшно делать первые шаги в абсолютной тишине, где-то по музею ходил охранник. Вдруг он спугнет всех гуляющих мушкетёров или загонит обратно на картину девушку с кувшином молока. Мальчик никак не мог этого допустить, ведь второй такой шанс остаться почти одному в музее мог больше не представиться.

Сначала необходимо размяться. Только делать упражнения надо тихо, чтобы не заметил охранник. Когда Ноа обходил зал в пятый раз, то заметил необъяснимое явление: маленькая ручка девочки в золотом платье, прикрытой фигурами мушкетёров, начала осторожно касаться полотна картины. Сначала она будто прислонилась ладошкой к

стеклу, но потом один пальчик оказался за пределами холста.

– Наверное, я резко наклонился и поднялся, – сказал он сам себе, – и мне просто всё причудилось.

Но это совсем не успокоило встревоженного Ноа. Фильм фильмом, но в десять лет он уже понимал, что скорее всего прогулки экспонатов по музею – выдумка. Отчаянно хотелось увидеть чудо своими глазами, хотя в то же время возможная встреча с потусторонним будоражила сознание Ноа.

В зале не было окон, светилась только табличка «Выход». Чтобы получше разглядеть картины, он включил фонарик в телефоне. Решил начать с «Ночного дозора», ведь с ним еще совсем недавно было что-то странное. «Или всё-таки привиделось?» – думал Ноа, подходя к полотну. Скользя глазами по картине, он обнаружил, что девочки в золотом платье нет среди фигур военных.

– Не свети! – раздался из темноты звонкий голос.

Ноа замер, дыхание сделалось частым. Казалось, что воздуха не хватает. Ему очень захотелось оказаться сейчас дома у бабушки: там совсем нестрашно, наоборот, тепло и уютно. Но сейчас даже выйти из музея было невозможно, не то что вернуться в родную квартиру.

Стоять в неведении было страшнее всего, поэтому Ноа обернулся и увидел девочку. Просто девочку. Она не вы-

глядела пугающе. Стояла и с недовольством смотрела на него, уперла руки в бока, сердито надула щёки и нетерпеливо притопнула ножкой.

– Днём все ходят, ходят, фотографируют. А ты и ночью решил продолжить!

– А как ты... – встревоженным голосом выдавил из себя Ноа, отступив на шаг и едва не уронив телефон. – Ты же... ты же из краски! Вы же написаны еще в шестнадцатом веке!

– В семнадцатом, грамотей! – отрезала девочка и с обидой поправила золотистые рукава. Она фыркнула, картинно закатила глаза. – Вышла! Представь себе, взяла и вышла. И выключи ты свой фонарик! Вы все одинаковые: что днём, что ночью – только и умеете, что тыкать в нас своими светящимися штуковинами.

Ноа испуганно погасил свет, торопливо сунул телефон в самый глубокий карман джинсов и даже прижал его ладонью, будто тот сам мог включиться. Зал погрузился в мягкий полумрак, разбавленный лишь зелёным свечением таблички «Выход».

– Прости... – тихо шепнул мальчик, привычно теребя родинку на ухе. – Я не хотел тебя разозлить. Просто хотел узнать, оживаете ли вы, когда музей закрывается.

– Да какая тут жизнь! – Девочка с досадой топнула ножкой. – Раньше люди стояли перед нами часами. Смотрели, спорили, даже шептались! А теперь? Подбегут, повернутся ко мне спиной, состроят глупую рожу, щёлкнут вспышкой прямо в глаза – и улетят дальше в буфет за вафлями! Я для них что, просто смешное пятнышко на заднем плане?

Ноа смущённо опустил глаза. Ему стало ужасно стыдно за всех туристов.

– Вот я и решила: хватит с меня! – Девочка решительно сжала кулачки, вздёрнула подбородок, сердито тряхну-

ла подолом и решительно зашагала к арочному выходу. – Уйду на улицу! Посмотрю на настоящие деревья, побегаю по траве, под дождём промокну.

Несколько негромких шагов слышались в воцарившейся тишине. И вдруг они затихли. Девочка замерла на полушаге, её руки беспомощно вытянулись вперед и упёрлись в пустоту. Она забарабанила ладошками по воздуху, оглянулась через плечо с растерянными, широко распахнутыми глазами.

– Что случилось? Почему ты не идёшь дальше, тут же нет двери?

– Меня что-то не пускает. Будто невидимая стена, дальше которой я не могу сделать ни шагу.

Девочка пробовала снова и снова: с разбега, очень медленно, опять с разбега. Её маленькая фигурка билась об воздух, словно пойманная в банку золотая рыбка.

– Нет, не получается, и всё тут, – с грустью в голосе прошептала она и машинально сжала лапку петуха, висящего на поясе.

Ноа заметил маленькую голубую капельку в уголке глаза новой знакомой. Сразу за первой по щеке покатилась вторая и третья слезинки. Уже через пару секунд она сильно заплакала.

– Ой, тебе, наверное, опасно плакать. Ты же нарисованная, и краска может стереться.

– Да какая разница? На меня никто даже не посмотрит. Размазанная я буду или нет, теперь уже неважно. А так я поплачу хотя бы раз в жизни по-человечески.

В зале стало тихо-тихо. Ноа осторожно сделал шаг вперёд. Ему нестерпимо захотелось подойти и неловко похлопать девочку по плечу, как он делал в школе, когда плакала его одноклассница. Но он застыл, боясь спугнуть это мерцающее чудо.

– А я на тебя всегда долго смотрю, – признался он. – Честно! Мой дедушка Лука рассказывал, что Рембрандт нарисовал твоё платье так, будто оно само светится изнутри. И петух у тебя на поясе совсем как живой. Я сегодня под скамейку залез не ради телефона, а потому что верил: вы настоящие.

Девочка перестала хмуриться. Она с любопытством прищурилась, разглядывая мальчика:

– Петух, скажешь тоже... Все почему-то думают, что это курица. Но... ладно. Значит, хоть кто-то ещё умеет разглядывать детали.

На её губах впервые появилась еле заметная, но искренняя улыбка.

В глубине коридора раздался гулкий, далёкий стук – тяжёлые шаги ночного охранника.

– Ох, обход! – шепнула девочка и прижала палец к губам. – Мне пора обратно в раму, а то капитан Кок устроит нагоняй. Смешно... мои мушкетёры – тоже ночной дозор. Триста лет назад они охраняли город от воров, а теперь мы с ними спрятались от вашего сонного сторожа.

Она легко повернулась и, словно легкая искорка света, взмыла обратно к полотну. Сияние свернулось в воздухе и втянулось прямо в центр тёмного холста. Ноа подбежал к картине: Золотая девочка снова стояла на своём месте среди ополченцев. Но мальчику показалось, что она хитро подмигнула ему из глубокой тени.

Быстро спрятавшись под дубовую скамью, Ноа улыбнулся. Главный вопрос был решён. Теперь оставалось только придумать, как утром выбраться из музея, а также говорить о случившемся дедушке или нет. Но это уже совсем другая история.

ПЯТЬДЕСЯТ МЕТРОВ

КАРИНА ИДИАТУЛЛОВА

– Дами-и-ир!

– Дарин, отстань!

Каждое утро в семье Хакимовых начинается одинаково.

– Я ещё с вечера придумала себе образ на сегодня, отдай галстук, я иду с ним в школу!

– У нас мероприятие, Светлана Павловна сказала всем бордовые галстуки одеть.

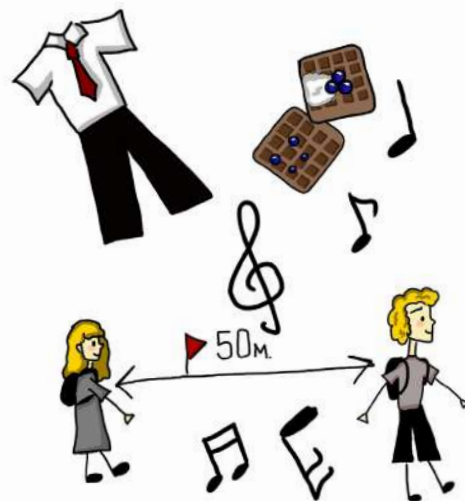
– Не «одеть», а «надеть», грамотей, снимай!

Дамир всегда собирается в школу под крики старшей сестры. А как Дарине не кричать, если её выводят из себя каждое утро, непременно специально! Сегодня, например, брат взял галстук, который она ещё со вчерашнего дня вписала в свой образ с приталенной рубашкой и штанами палаццо. Он украл последнюю вафлю прямо из-под Дариного носа. Хлюпал чаем за завтраком и громко чавкал. Невыносимо!

Они учатся в одной школе, выходят одновременно, но идут на расстоянии пятидесяти метров. Одноклассники ни в коем случае не должны подумать, что они вместе! Хотя не подумать невозможно: брат и сестра невероятно похожи друг на друга, оба голу-

боглазые, оба блондины, с одинаковой ямочкой на подбородке и слегка торчащими ушами. Только Дамир учится в пятом классе, а Дарина – в восьмом.

– Ты прикинь, что он вчера учудил? Пришёл с карате, ви-

дит, что я репетирую «Турецкий марш» к зачёту в музыкалке, не ерундой занимаюсь, и непременно надо было ему пристать со своими приёмами... Как начал руками и ногами размахивать, как даст по пианино, я аж подскочила! – рассказывала Дарина подруге...

А Дамир поведал друзьям абсолютно другую версию: «Как мне уже надоело всё, вчера захожу домой после карате, смотрю – сидит, клацает на своём пианино, что грохот на всю квартиру. Причём так противно... Я подошёл посмотреть, она как рывкнет: «Что смотришь? Уйди!» – ну я и сделал маэ-гери по инструменту, прямой удар ноги, ты бы видел, как она распсиховалась!»

После школы ребята шли домой всё так же, в пятидесяти метрах. Дома расходились по разным комнатам.

– Дари-и-ин, погрей мне суп!

– Сам погрей, не маленький уже, я занята.

– Ну я не умею, и вообще, мама говорила тебе за мной ухаживать! – сказал Дамир и шмыгнул носом.

– Научись, двенадцать лет скоро, здрасьте, приехали, и иди высморкайся! – раздался хлопок дверью.

Но брат не огрызнулся в ответ. За столько лет, прожитых под одной крышей, такое случилось впервые. Дарина насторожилась. Крадучись пошла в комнату брата. Заглянула в стеклянную вставку двери: Дамир сосредоточенно делал что-то за столом. Она резко распахнула дверь и вбежала в комнату, смотрит – на столе лежат рисунки. На одном – закат в горах, на другом – коты в новогодних шапках, на третьем – ананас на столе. Картинки были детские, нарисованные неумелой рукой. Дарина звонко рассмеялась:

– И чем ты тут занимаешься, Пикассо? Значит каляки-маляки мы умеем рисовать, а суп погреть не можем? Дурью не майся, иди чайник поставь.

– Я хотя бы, в отличие от некоторых, не смотрю концер-

ты по телевизору на всю громкость и не барабаню пальцами по столу как бешеный, тоже мне, нашлась прима-пианистка. Иди, вон, собачий вальс настукивай.

– И буду настукивать, и настучу так, что меня в Московскую филармонию возьмут! А ты дальше бумагу переводи.

В семье Хакимовых всё пошло прежним чередом. Но Дарина стала чаще врываться без стука в комнату брата по разным поводам: то забрать вещи на стирку, то попросить бумагу для принтера. А когда Дамира не было в комнате, она тайком заглядывала в его альбом. Однажды она увидела там портрет девочки, которая очень напоминала её саму: та же ямочка на подбородке, те же голубые глаза, те же торчащие уши. В тот день Дарина сама погрела Дамиру суп.

– Это в честь какого праздника?

– Иди ешь, не нравится – мне больше достанется. Руки помой только сначала, у тебя под ногтями грязь.

Дамир оглянулся – на его стуле висел поглаженный бордовый галстук – и ничего не сказал.

Прошла неделя. Дарина как обычно шла по школе с подругой и обсуждала последние новости. Как вдруг в коридоре раздался оглушающий хохот.

– Смотрите! Хакимов у нас в художники подался! Ана-насики, котятки в шапочках. Ты в детский сад решил вернуться или мамочка альбомчик купила?

– Отдай, это не твоё!

– А может, ты и меня нарисуешь? А то только для сестрёнки стараешься, «Дамирчик», ха-ха! – передразнивал Дарину Артур, который ходил на карате с Дамиром. На

год старше, на голову выше, он выбрал бедного пятиклашку жертвой для издёвок: то отберёт домашку, то поставит подножку в коридоре, то пороется в рюкзаке, а сейчас он размахивал альбомом над головой. Дарина не вступалась за брата. Она стояла и смотрела из-за угла, что будет дальше.

– Хватит, отдай, это не смешно! – переносица сморщилась от злости, кулаки сжались, он стоял красный как рак.

– А то что? Сделаешь мне маэ-гери? Ха, напугал! – Артур демонстративно вырывал страницы из альбома, рисунки разлетались по коридору. Дамир осматривался по сторонам и перехватил взгляд сестры. Он впился в неё глазами, вызывая о помощи. Дарина хотела рвануть, отнять альбом, схватить Артура за шкуру – но смешалась с толпой и просто ушла, сама не зная почему. Может, ей стало стыдно, что Дамир – её брат. Гогот разразился с новой силой, но Дамира больше не было слышно. Он не кричал и не плакал, просто тишина...

Весь оставшийся день Дарина не находила себе места. Она смотрела в окно вместо того, чтобы писать конспекты, терялась в разговорах с подругой. Никак не получалось выкинуть тот взгляд из головы. Она плелась домой, надеясь, что Дамир уже всё забыл и не держит на неё зла: она погрела обед им обоим, пришла в комнату брата, чтобы позвать его к столу. Тот сидел молча, спиной к двери. Он пытался склеить рисунки скотчем, но руки его не слушались.

– Ты предала меня. Я видел тебя, ждал... Думал, сестра за брата горой. Даже если ненавидит. – Он обернулся и посмотрел ей прямо в глаза. Но на его лице не было ни единой эмоции, и Дарину передёрнуло от его холодного тона. – Уйди. Не хочу тебя видеть.

Впервые за долгое время Дарине хотелось плакать. Она закрыла дверь, ушла к себе и больше не выходила из ком-

наты, обед давно остыл. На следующий день она не пошла в школу, соврала маме, что заболела. После обеда, пока родители были на работе, Дарина взяла листы из альбома и отправилась напрямик в спортивную школу. Дождавшись конца занятия по карате, она встретила Артура в коридоре и перегородила ему дорогу.

– А, сестричка Хакимова пришла за него заступаться. Поздно! Смотри, самой ещё извиняться передо мной придется, ты ведь мне дорогу перегородила, обидела, я расскажу об этом сенсею, а он ценит честность...

– Нет, я не за этим, – спокойно ответила Дарина. – Я пришла поговорить с твоим тренером, максимально честно, не переживай. Думаю доложить ему о том, как ты позоришь своё дело.

– Чего-о? Шантажировать, вообще-то, плохо! – ухмылка сразу же исчезла с лица Артура.

– А так вести себя разве хорошо? Вас разве не учили, что настоящий воин не издевается над тем, кто младше и слабее, что не рвёт чужие вещи, и тем более не оскорбляет старших? Если ты завтра же не извинишься перед Дамиром и не вернёшь ему альбом в целости, твой сенсей узнает, какой ты боец. Тогда я лично приду посмотреть, как ты сдаешь на пояс.

Артур побледнел. Карате было единственным его увлечением. Больше всего на свете он боялся потерять место в секции. Дарина протянула Артуру разорванные им рисунки, повернулась на каблуках и ушла, довольная собой.

Вечером Дамир вернулся домой с аккуратно склеенным альбомом. Артур вернул его целым и извинился, хоть и глядя в пол. Дамир не знал, что думать, вышел на кухню и встретил там Дарину.

– Это ты?

– Ну конечно я, кто ещё-то? – ехидно начала Дарина, но,

немного помолчав, тихо добавила: – Извини. Я поступила глупо. Как последняя слабачка. Ужинать будешь?

– Давай, – буркнул Дамир, но холода уже не было в его голосе.

На следующее утро брат и сестра как обычно вместе шли в школу на расстоянии пятидесяти метров. Но теперь Дарина то и дело оборачивалась, чтобы проверить, идёт ли брат следом. А Дамир, чувствуя это, невольно улыбался и крепче прижимал к груди свой альбом. Он знал, что у него теперь есть настоящая защита. Пусть даже она ворует галстуки по утрам и кричит, когда шмыгаешь носом.

АНАСТАСИЯ УСТИНОВА

Куда уплывают дельфины?

Старый шкаф освещало солнце. Оно просачивалось сквозь белые занавески на маленьком окошке и рассыпалось по стульям с обломанными спинками, картонным коробкам, ящичкам со всякой всячиной. Здесь жили детские игрушки, бабушкины книги, дедушкины инструменты. У стенки стоял большой сундук, в котором лежали тяжёлые канаты. В обитый железом угол были затолканы мешки, а сверху помещалась подозрительная труба с треснутой линзой. Над сундуком висели фотографии. Они, должно быть, жили здесь уже давно и потому порядком выцвели. На чёрно-белых снимках были запечатлены молодые девушка и парень, море, светлые улицы. На одной фотографии юноша широко улыбался, стоя на палубе в форме и бескозырке.

В воздухе висели пылинки, зажигаясь в солнечных лучах. Светились они и на дверцах шкафа, а за давно не протиравшимися стёклами на полках дремали стопки бумаг, газеты, записные книжки и несколько ракушек.

— Смотри, — дверца шкафа скрипнула, и Лена потянулась к коробочке на верхней полке.

По бокам вещицы тянулись дельфины с чёрными блестящими спинами. Под наклоном содержимое коробки издавало хрустящий стук.

Стряхнув солнечную пыль с низенького круглого столика, девочка опустила на него свою находку. Крышка была однотонного серовато-синего цвета, без узоров и деталей, обитая плотной кожей на гвоздиках. В центре крупными буквами значилось: «Дорога дельфинов».

Крышка упруго поднялась после некоторого усилия Лениных пальцев. В полости коробки лежали дельфины – небольшие деревянные фишки разных цветов. Дима взял двух – они были поменьше его ладони и немного разнились размером и формой. Дельфины улыбались, и маленькие масляно-чёрные глазки поблёскивали игриво.

Лена стала выкладывать фишки на стол; у каждого животного, казалось, был свой характер, душа.

— Погляди, этот такой тоскливый, хотя и улыбается, — заметила Лена.

Дима положил свои фишки на стол и приютил в ладонях грустного дельфина.

— Печально улыбается... — он задумчиво рассматривал игрушку. — А этот, — через некоторое время выудил он нового, — как будто нашкодил и теперь хихикает.

Лена взяла следующую фигурку и заметила на дне коробки листок. Она аккуратно потянула его за край, чтобы вытащить, и фишки легко застучали по деревянному дну. Листок оказался плотным, несколько раз сложенным; от времени он потерял свою белизну и потёрся.

Ребята отодвинули фишки в сторону и развернули бумагу. Это оказалась карта: давно высохшие краски составляли острова и океаны; между ними расцветали коралловые рифы и сады подводных растений, шныряли маленькие рыбки, крабы, каракатицы. Здесь переливались подводные речки и возвышались холмы, толпились мягкие облака и звёзды собирались в донные созвездия.

По всей карте тянулись однообразные цепочки пятнышек-клеток, которые входили в облака-поля: дом музыки, галерея, ботанический сад, хижина в горах, центр исследования космоса... Эти цепочки выходили из одной локации и направлялись к другой. Они раздваивались или даже раstraивались, не следовали единому маршруту.

Игра напоминала ходилки, но казалась более запутанной. Кроме того, полотно было непривычно большое.

Дверца чердака скрипнула, и появилась бабушка.

— Нашли нашу игру? — она приобняла внуков и улыбнулась.

— Откуда это у вас? — спросил Дима.

— Красивое, — добавила Лена.

— Это наша с дедушкой игра. Когда мы с ним встретились, он был моряком.

Бабушка указала на фотографию молодого человека в бескозырке. Рядом висела другая, где они с дедушкой обнимали друг друга в тени пальмы. Ниже помещался снимок девушки, позади которой висели картины.

— А я была художницей. Мы встретились в порту, куда я с художественным училищем ходила на пленэр.

И бабушка рассказала их историю.

Когда они полюбили друг друга, дедушка доверил ей самое дорогое, что было в его душе. Он служил обычным моряком, после перешёл в океанариум, но однажды был приглашён в новое место за честный труд и знания в области зоологии. Их организация работала секретно, поскольку они обучали дельфинов искать мины и делали из них боевых животных.

— Он исполнял свой долг, но душа у него болела. Он возвращался домой и с тяжёлым сердцем мне рассказывал о своих воспитанниках, операциях, успехах и неудачах, — бабушка задумчиво смотрела на карту. — Не так много дельфинов погибало на заданиях, но они, умные животные, должно быть, страдали.

— Они умирали?.. — прошептал Дима. — Вы могли им чем-нибудь помочь?

Бабушка погладила внука по голове.

— Нет. Мы были не в силах тогда противостоять этой системе. Но однажды ночью мы с ним задумались: куда уплывают дельфины, когда уходят из этого мира?

Она взяла фишку и поставила её на облачко, под которым было написано «Волшебная Дорога».

— Люди отправляются в вечный путь, чтобы возвращаться к истокам. Мы созданы из звёздной пыли, и, уходя в небеса, снова становимся звёздами, чтобы однажды из нашей звёздной пыли расцвели созвездия. Дельфины тоже плывут по своей волшебной Дороге, пролетая через далёкие прекрасные океаны и чудесные страны.

Солнце освещало карту, и острова этого морского космоса впитывали его лучи, сами становились тёплыми.

— Мы решили создать игру, модель этой Дороги. Мир за миром, здесь появлялись острова и местности, и каждый новый воспитанник вашего дедушки приходил сюда. Дедушка делал фигурки из дерева, а я расписывала их и составляла карту, — бабушка взяла «наш-кодировшего» дельфина. — Этого, например, зовут Лёвой. А

этот, — она показала на мечтательно прищуrivшегося, — Зефир.

Бабушка опустила фишки на стол и подошла к старому шкафу. С той же полки, где лежала «Дорога дельфинов», она достала синий мешочек, на котором голубым и белым были вышиты волны.

— А здесь лежат карточки для игры, кубик, звёздочки... Я вам сейчас расскажу.

И она стала раскладывать содержимое мешочка, объясняя внукам правила. В течение игры бабушка знакомила их с историей каждого дельфина.

— А потом ваш дедушка ушёл из океанариума. По профессии он стал исследователем, а по совести — крохотным шагом к отказу от системы содержания животных в неволе.

Лена и Дима слушали задумчиво, бабушка улыбалась, а дельфины блестели умными глазами. На чердаке теплилось солнце, большая земная звезда.

ЧИТАТЕЛЯМ НА ЗАМЕТКУ

Романовская Л. А. Сиблинги (М.: Самокат, 2019 – 328 с.)
ISBN 978-5-91759-889-5

Мария Литвинова

СЛЫШУ ГОЛОС ИЗ ПРЕКРАСНОГО ДАЛЕКА

Мне никогда не давались прыжки во времени и пространстве. Согласитесь, приятнее читать книжку, когда ты точно знаешь: если герой шёл по улице и решил зайти в магазин, то он попадет точно в магазин, а не в другую эпоху. Тяжело воспринимать сюжет, когда не понимаешь законы физики и логики, которые работают в незнакомом тебе пространстве.

Произведение написано в жанре фантастической повести: в ней чувствуется влияние и Кира Булычева, и Владислава Крапивина. Но тут нет привычных искушённому читателю порталов со светящимися индикаторами. Пространство выворачивается наизнанку с пугающей прозаичностью, для героев прыжок в темноту через закрытую дверь – обыденность. Лифт без кнопок внутри, «как двери без ручек в дурдоме», не даёт детям права на ошибку. Из-за любого сбоя они могут остаться запертыми в чужом времени на неопределенный срок.

Искусственная планета, которую можно обойти за день, как в «Маленьком принце», и бесконечные темпоральные скачки, склейки эпизодов, как в монтаже аттракционов Эйзенштейна, кинематографичность поначалу заставляют мозг спотыкаться на каждой странице. Что это за персо-

нажи? Как они тут оказались? Где они вообще? Ты только привык к диалогу героев на кухне за ужином, как вдруг повествование уже перескакивает на празднование Хэллоуина в незнакомом городе. Мне казалось, что писательница не до конца разобралась в мире своей же повести. Однако, и обрывочность фраз, и быстрая смена хронотопов заставляют читателя чувствовать то же самое, что и герои после «вылетов» на задания.

Чтобы не сойти с ума и отвлечься, главные герои придумали свои ритуалы: морской бой 33 на 33 и комментирование заученных уже до дыр фильмов. Их дом – островок безопасности, где только надо закрыть занавеску, чтобы не быть «на юру». Здесь всё стабильно, и потому так интересно следить за лейтмотивом потерянных ножниц. Эта маленькая деталь, возникшая в экспозиции, изящно обыгрывается в финале: Женька, Витька и Макс идут в магазин покупать сразу несколько пар.

Этот эпизод кажется незначительным, но именно такие мелочи и делают произведение живым. Чтобы чтение правда затягивало очень важно понимать, как вообще здесь устроена жизнь. Лариса Романовская создает вещный мир настолько подробно, что ты можешь и слышать, и чувствовать запахи, которые в определённый момент времени окружают героев. Чтобы еще больше приблизить представленную действительность к реальности, писательница мастерски интегрирует культурные объекты в текст.

Как известно, все уже украдено до нас, поэтому поиск отсылок к фильмам, книгам и даже Библии стал для меня настоящей забавой. Я играла в сыщика и очень гордилась собой каждый раз, когда видела знакомое из детства, из просмотренного и прочитанного. Для маленьких детей переклички с другими произведениями искусства могут

быть и неинтересны, но для более взрослых, осознанных читателей увидеть пассаж про Джузеппе Арчимбольдо – радость. «Веник грозился всем устроить утро стрелецкой казни в сосновом бору, что бы ни значили эти слова», – скажу честно, на этой строчке я долго улыбалась, удивляясь тому, насколько удачно проведена связь с живописью. Часто такие интертекстуальные связи углубляют понимание ситуации. Даже помогают немного приподнять завесу тайны главных смыслов. Рассказ о мальчике, который «честное слово» дал, что не уйдёт – метафора смысла существования НИИ хронологии и его сотрудников. Это не просто цитата ради цитаты.

У героев есть моральный долг, потому что им открыли знание о самом главном, что есть у человека, – о его жизни и смерти. Никто не держит сиблингов силой в эксперименте, а только внутреннее осознание, насколько они нужны обычным людям. Ребята в прошлом столкнулись с такими ужасами, что теперь всеми силами стараются избавить других от зла. По крайней мере, не сделать хуже, чем было. Представьте, вот вы бы смогли спасти своего заклятого врага? А у них нет выбора.

И в этой титанической ответственности за чужие жизни кроется удивительный парадокс. Спасая мир, сиблинги не превращаются в пафосных супергероев – они остаются обычными подростками. О смысле жизни они иногда шутят: мол, мы ничего глобального не меняем – «чисто солонку в ресторане передать, вот и весь смысл».

Некоторые могут сказать, что книга точно не детская, слишком депрессивная и мрачная. Я могу согласиться с тем, что в ней есть далеко не радостные моменты. Однако является ли это минусом? Она и не заявлена как повесть для дошколят, поэтому вполне имеет право не рассказывать о единорожках, у которых никогда даже дождика не

бывает. Реальная жизнь, к сожалению, жестока. Невозможно написать книгу, где сюжет построен на спасении людей из ЧП, при этом не описав саму трагедию. Если бы в мире всё было хорошо, то и помогать было бы незачем.

В конечном счете «голос из прекрасного далёка» звучит совсем не так, как в детской песенке. Это «далёко» открывается сломанным миром, затаившим дыхание перед очередной трагедией. Но только слыша этот чужой зов о помощи, герои способны исцелить собственную одинокую боль – и перестать быть чужими в вечности.

10+

ШУТКИ В СТОРОНУ

КСЕНИЯ ВАЛЬКОВА

ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ

Откроешь книгу неслучайно
И окунёшься в странный мир:
Не птиц услышишь щебетанье,
А лязг доспехов и рапир.

И сотрясает голос энтов
Весь небосвод. Задорный смех
Весёлых хоббитов, песнь эльфов
И крики гоблинских потех.

Мудрец рискует жизнью вечной,
Товарищ эльфу - хмурый гном.
Четыре хоббита беспечных
Идут спасти свой Ширский дом.

Полина Соколовская

КУЛИСЫ

Плие – тандю – дегаже.Плие – тандю – дегаже.

Соня повторяла слова про себя снова и снова. Она сидела перед зеркалом на высоком стуле, из-за чего её ноги не доставали до пола. Она болтала ими, пока мама застёгивала крючки. Девочка в зеркале нервно теребила ленту в волосах и сверлила Соню серьёзнейшим взглядом. Девочка в зеркале моргнула. Соня моргнула следом.

— Волнуешься? — мама поправила складки бирюзового платья.— Нет... ну, может, немного.

Плие – тандю – дегаже.

Слова уже смешивались в вязкую кашу случайных звуков, но она продолжала их прокручивать в голове.

В гримёрку заползла Кобра. Сначала первый глаз, потом второй.

— Вы закончили? Уже на сцену пора. — Не моргая, она оглядела Соню. — Помни: все смотрят только на тебя.

— Да, Татьяна Валерьевна! — крикнула Соня и полетела, пока тренер не начала делать замечания.

Там уже стояли крысы. Одна наступила Соне на ногу и даже не извинилась.

Плие – тандю – дегаже.

Занавес поднялся. Свет ударил в глаза. Соня знала каждое движение, каждый поворот, каждый прыжок.

Плие – тандю – дегаже.

Соня согнула колени, вытянула ногу, отбросила её в сторону.

Ещё раз.

Плие – тандю – дегаже.

Левая. Правая. Левая.

Тело знало всё само. Соне оставалось только не мешать ему.

Она скользнула вперёд, развернулась, подхватила юбку и прыгнула.

На секунду пол исчез.

Плие – тандю – дегаже.

Дроссельмейер вылез из ниоткуда. Сначала появился парик. Фиолетовый, размером с самого Дроссельмейера. За ним – уши, нос, башмаки. Он стоял перед Соней, едва дотягиваясь макушкой ей до пояса. Его пластиковое лицо не выражало ровным счётом ничего, пустые глаза были обращены куда-то за спину Сони.

— Ах, милая Мари, ты прирождённая принцесса. Но много тебе придётся вытерпеть, если ты возьмёшь под защиту бедного уродца... — раздался скрипучий голос. Дроссельмейер механически наклонился вперёд, парик потянул его вниз за собой, так что вся его фигура накренилась под весом фиолетового облака. Дроссельмейер кубарем полетел в чёрные трещины пола, как тряпичная кукла.

Левая. Правая. Левая.

Плие – тандю – дегаже.

Дроссельмейер исчез.

Плие – тандю – дегаже.

На его место упал Щелкунчик. Деревянный, в мундире с облупившейся позолотой.

Рот открывался и закрывался на петлях, как будто он всё время собирался что-то сказать и каждый раз передумывал. Он не двигался сам. Его вели за нитку, он будто парил на ней. Лицо у него было вырезано грубо, но взгляд, се-

рьёзный и сверлящий, Соня уже видела в зеркале гримёрки.

Вдруг с неба, оттуда же, откуда свалился Щелкунчик, начали дождём падать крысы. Они выставляли свои шесть лапок, как маленькие снежинки, и планировали вниз. Крысы приземлились на Щелкунчика и Соню, обхватывали пальчиками и тыкались холодными синими носами в лицо и шею. Они ползли отовсюду, лезли под костюм, мешались под ногами, так что Соне было трудно продолжать танцевать.

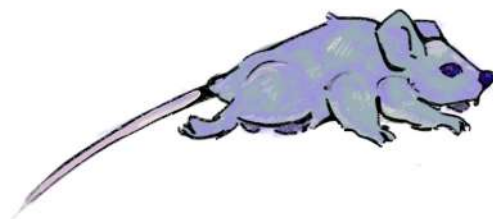
Плие – тандю – дегаже.

Она хотела возмутиться: не по сценарию! Но крысы вдруг вспомнили, зачем пришли. Каждая крыса побежала в центр сцены. Они забирались друг на друга, пищали, ругались, сплетались, изгибались, свивались в спирали. Огромной горой рос Мышиный король. Гора вдохнула. Тысяча мелких вдохов слилась в один, низкий, и сцена прогнулась под ним. Лицо у короля собралось последним, из чьих-то глаз и зубов, и он повернул его к Соне. На шее у него была лента. Бирюзовая.

Плие – тандю – дегаже.

По сцене пронёсся боевой клич. Из черноты кулисы волной неслась орава крошечных марионеток. Они были с белоснежной пластиковой кожей, пёстрыми корсетами, юбками и пустыми глазами. Тонкие нити над их головами сплетались в странную паутину. По ней, вместо мух, ползли куклы – прямо к Королю. Лески обхватывали тело Сони, сдавливали запястья и ноги. Она почти не могла двигаться, только смотреть на пёстрые пятна марионеток, бегущих по паутине.

Нити тянули её в стороны, воздух в лёгких кончался, голова кружилась. Но тело знало мантру.

Плие. Соня согнула колени, хотя леска не пускала.Тандю. Нога поползла вбок, дрожа.Дегаже.

Нити одна за другой начали лопаться, как струны. Звонящий звук заложил уши. Пустые глаза всех куколок разом повернулись к ней. Все смотрят только на тебя. И она полетела вниз, сквозь пол...

Дегаже – тандю – плие.Плие – тандю – дегаже.

Оказывается, пустота совсем не чёрная. Она летела в бесконечно закручивающемся белом коридоре, где-то краем глаза даже заметила фиолетовое пятно парика Дроссельмейера, но тут...

— Соня! Ты меня слышишь? Тебе на сцену пора! — Татьяна Валерьевна тормозила девочку. — У тебя выход через три минуты, все уже на позициях!

Соня открыла глаза. Морок таял. Она сидела на стуле перед зеркалом. Мама застёгивала крючки на костюме, в нос ударил запах лака для волос. Девочки у соседних зеркал разом замолчали и посмотрели на Соню. Ни одна не моргнула.

— Волнуешься?

Плие – тандю – дегаже.

Соня посмотрела в зеркало.

Девочка, сидящая напротив, перестала теревить ленту и неподвижно смотрела на Соню.

СДЕЛКА

ТАТЬЯНА ЛУНЕГОВА

Цифры горели красным. Банк уже несколько раз присылал уведомление о погашении долга, а на главном экране висела пугающая табличка «Ближайший платёж».

Захар вздохнул и отпил энергетик. На сегодня он закончил с курсовой работой, а до этого отработал смену в супермаркете, поэтому голова уже не варила. Он закрыл ноутбук и лёг на пол. Свет отключили еще вчера, на столе лежала горка неоплаченных квитанций. Начальник на работе игнорировал бунт сотрудников и обещал «обязательно все выдать потом и докинуть премию сверху», хотя уже пора было оплачивать коммуналку и закупаться продуктами.

Захар закрыл глаза. Конечно, можно было уволиться, но это бы никак не помогло – искать новую работу сложнее, чем уйти со старой. Можно было бросить учёбу, но он бы пожалел об этом.

Телефон прислал уведомление. Может, это отец? Он не писал уже полгода. Или бабушка, живущая в другом городе, решила вспомнить внука? Захар потянулся за мобильником и тут же захотел швырнуть его в стену. Пришло сообщение от однокурсника: «Привет, когда вернёшь косарь? Уже неделю завтраками кормишь».

Захар оставил телефон и вышел на морозную улицу. Ветер кусал щёки, а волосы будто покрылись коркой льда. Он прошёлся по пустому проспекту, выдохнул. С кем не бывает? Ладно, ни с кем не бывает. Чтобы добыть денег, можно продать что-нибудь. Что-нибудь ненужное. Ага, где-то он уже это слышал...

И тут Захар увидел потрепанную листовку. Сначала он не поверил своим глазам, а затем оторвал от объявления полоску бумаги с номером телефона. Взбежав домой по лестнице, дрожащими то ли от волнения, то ли от холода руками набрал ряд цифр. В телефоне раздались гудки и хриплое «Слушаю».

— Это вы скупаете светлые воспоминания?

Захар подошел к деревянной дряхлой двери и толкнул её. Та открылась с трудом, с третьего раза. Пахнуло сыростью и подвохом.

— Здравсьте, — произнёс Захар осторожно, заглядывая внутрь. — Я по объявлению.

— Голову мыли?

Захар нахмурился.

— Что?

— Я спрашиваю, голову мыли? Клиентам ваши грязные мысли не нужны. Проходите.

Захар прикрыл дверь и оказался в темноте подвала. Вспыхнула на потолке лампочка, свет озарил осыпающуюся штукатурку и старые обои, под которыми были видны листы газеты «Правда».

На шатком стуле сидел старик, сухой и похожий на гоблина. Нос его был острым, руки тонкими, одежда в заплатах и прорехах, а близко посаженные глазки блестели, как две бусинки.

— Вам предложить прайс-лист, или вы уже готовы заключить договор? — спросил старик, вращая на пальце кольцо с зелёным камнем. Он придвинул по столу к Захару белый лист.

Прайс-лист на покупку и продажу воспоминаний:

Агентство «МемориТрейд»

Ваше прошлое — ваш капитал.

Инвестируйте в чужие эмоции или монетизируйте свои легко и безопасно

1. Категория «Базовые человеческие радости»

Коллекция простых, тёплых воспоминаний для снятия стресса и борьбы с одиночеством.

1) Первая поездка на море (возраст 7-10 лет): 4 500 ₽

В комплекте: запах солёных брызг, вкус сахарной ваты, безграничный восторг от первого путешествия.

2) Идеальное утро субботы из детства: 3 800 ₽

В комплекте: запах блинов с кухни, лучи солнца на ковре, предвкушение мультфильмов.

3) Прогулка под теплым летним дождем: 2 500 ₽

В комплекте: ощущение капель на коже, запах прибитой к асфальту пыли, чувство свободы.

2. Категория «Острые ощущения и адреналин»

Для тех, кому не хватает риска в повседневной жизни.

Полная безопасность при 100% реалистичности.

1) Прыжок с парашютом (первый раз): 8 000 ₽

В комплекте: панический страх перед открытой дверью, секундное падение, восторг полета.

2) Победа в школьной драке / уличном споре: 6 000 ₽

В комплекте: чистый адреналин, триумф, уважение сверстников.

3) Ночной поход на кладбище / в заброшенное здание (подростковый возраст): 5 000 ₽

В комплекте: мурашки по коже, шорохи, облегчение при возвращении домой.

3. Категория «Романтика и Любовь»

1) Первый поцелуй (взаимный, искренний): 12 000 ₽

В комплекте: трепет, лёгкое головокружение, бабочки в животе.

2) Ночное свидание на крыше с видом на мегаполис: 9 500 ₽

В комплекте: ощущение близости, прохладный ветер, тихий смех.

3) Курортный роман (полный цикл, 2 недели): 25 000 ₽

В комплекте: лёгкая влюбленность, страсть, светлая грусть расставания без тяжелых последствий.

Прайс-лист на покупку и продажу воспоминаний:

Агентство «МемориТрейд»

Ваше прошлое – ваш капитал.

Инвестируйте в чужие эмоции или монетизируйте свои легко и безопасно

4. Категория «Профессиональный успех и Гениальность»

Почувствуйте себя на вершине мира

1) Защита диплома / диссертации на «отлично»: 7 000 Р

В комплекте: гордость от свершённого, аплодисменты комиссии.

2) Чувство озарения (Эврика!) при решении сложной задачи: 15 000 Р

В комплекте: чистый восторг интеллекта, ощущение собственного превосходства.

3) Выступление на сцене перед многотысячной аудиторией: 30 000 Р

В комплекте: первоначальный ступор, сменяющийся рёвом толпы и полным слиянием с залом.

5. Категория «Счастье»

Абсолютный пик человеческих гормонов радости. Эйфория в чистом виде

1) Искренний смех с близкими друзьями, разговоры ни о чём (вечер выходного дня): 5 500 Р

В комплекте: чувство полной безопасности, тепло в груди, приятные боли в животе от смеха.

2) Момент, когда тяжёлая, затяжная проблема внезапно решилась сама собой: 14 000 Р

В комплекте: ощущение освобождения, глубокое облегчение, дикий восторг.

ЭКСКЛЮЗИВ:

«Вся жизнь впереди» (Пик юношеского оптимизма): 450 000 Р

Доступно для продажи только лицам до 21 года включительно.

Описание: Комплексное, кристально чистое воспоминание возраста 16-21 года, ощущение абсолютного, безграничного счастья, когда ты стоишь на пороге взрослой жизни, полон сил, здоровья и надежд.

В комплекте: Энергия, от которой покалывает пальцы, абсолютная уверенность в будущем и пьянящее чувство свободы.

Примечание для продавца: Требуется полное изъятие (стирание ощущений).

Дополнительные услуги (Премиум, требует доплаты)

«Глубокая очистка» (Стирание воспоминаний): от 40 000Р за 1 эпизод.

Удаление болезненных расставаний, стыдных моментов или спойлеров к любимым сериалам.

«Апгрейд прошлого» (Редактирование): от 15 000Р.

Заменим ваш неловкий ответ на собеседовании на остроумную и уверенную речь.

«Пакет Ностальгия» (Эпоха 90-х / 2000-х): 18 000Р.

Комплекс воспоминаний: игра в «Монополию» до темноты, сок «Юпи», первая дискотека.

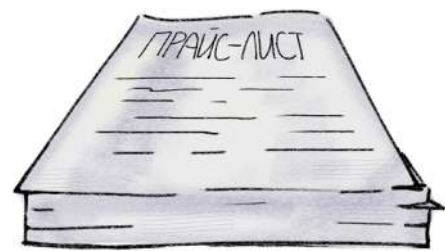
— Вот это, — сказал Захар, ткнув пальцем в самую дорогую категорию.

Старик удивленно поднял брови.

— Уверены?

— Абсолютно.

— Что ж, нет преград героям, пройдемте в процедурную.

Захар послушно двинулся за стариком. Из темноты проступили контуры массивного кресла, похожего на стоматологическое, обтянутого потёртой коричневой кожей. Вокруг него полукругом выстроились массивные приборы с круглыми аналоговыми циферблатами. На полу змеились толстые кабели.

— Располагайтесь, молодой человек. Куртку можете не снимать, у нас тут, сами видите, не Сочи, — проскрипел старик, копошась у приборной панели.

Захар опустился в кресло. Старик нажал на рычаг, и спинка откинулась назад.

— Вы ведь понимаете, что мы забираем? — тихо, почти вкрадчиво спросил приёмщик, подкатывая к изголовью штатив с металлической полусферой, утыканной тонкими иглами-датчиками. — Четыреста пятьдесят тысяч рублей — сумма приличная. Вы отдаете фундамент.

— Какой фундамент? — хмуро спросил Захар, глядя на белый потолок.

— Ментальный, — приёмщик взял со стола влажную салфетку и принялся протирать виски парня. — Это воспоминание — как батарейка. Когда в тридцать, сорок или пятьдесят лет вам будет паршиво, когда жизнь прижмёт к стене, обычный человек закрывает глаза и вспоминает: «Эй, а ведь когда-то я был счастлив и молод, силен. Я верил, что горы сверну». У вас этой батарейки больше не будет.

Захар вспомнил ледяной пол в своей комнате. Вспомнил

горящую красным надпись «Ближайший платёж» и начальника, прячущего глаза. Вспомнил ощущение глухого тупика, из которого нет выхода.

— Готов, — выдохнул Захар. — У меня долгов на сотку. Если я не продам это сейчас, до тридцати лет не протяну.

Старик вздохнул, покачал головой и водрузил полусферу на голову Захара. Металл обжёг лоб холодом.

— Закройте глаза. Подумайте о том самом воспоминании, ярком моменте. Почувствуйте его. Мне нужен чёткий сигнал для захвата.

Захар закрыл глаза. Сначала перед мысленным взором стояла темнота, но стоило расслабиться, как сознание само вытолкнуло его в прошлый май.

...Это был вечер после сложнейшего экзамена на втором курсе. Они с ребятами вышли из душного корпуса университета. Кто-то купил дешёвого разливного лимонада, кто-то смеялся. А потом они поехали на электричке за город, на заброшенный карьер. Захар помнил, как стоял на самом краю обрыва. Ветер дул прямо в лицо, пахло молодой травой и нагретым песком. Солнце садилось, окрашивая небо в розово-золотой цвет. В кармане лежала стипендия, впереди было три месяца лета, друзья кричали что-то весёлое сзади, а внутри... Внутри всё буквально пело от пьянящего, дикого чувства: «Я всё могу. Всё ещё впереди, целая жизнь!» Этот восторг покалывал кончики пальцев, заставляя дышать полной грудью...

— Пошёл контакт, фиксирую частоту, — донёсся откуда-то издалека сухой голос старика.

Аппаратура вокруг оглушительно загудела. Захар почувствовал, как к вискам прилила кровь. Воспоминание вдруг стало ярким, цвета выкрутились на максимум, а ощущение счастья в груди вспыхнуло так сильно, что стало трудно дышать.

А в следующий миг раздался резкий, шипящий звук – будто каплю воды бросили на раскалённую сковороду.

Розовый закат начал стремительно блекнуть, краски выцветали, превращаясь в серую газетную бумагу. Лица друзей размылись, а пьянящее чувство свободы в груди вдруг начало сжиматься, превращаясь в холодную, пустую воронку. Захар попытался удержать уходящее тепло, ухватиться хотя бы за обрывок чужого смеха.

Гудение прекратилось. Сняв металлический шлем, Захар открыл глаза и сел.

— Как себя чувствуете? — спросил старик, внимательно вглядываясь в его лицо.

Захар прислушался к себе. Голова была странно лёгкой, ничего не болело.

— Нормально, — ответил он. — Только... я не помню, зачем я вообще поехал на тот карьер. И что там было весёлого? Ну, обрыв. Обычная сырая земля. Подумаешь, май. Скоро новые экзамены, радоваться особо нечему.

Старик грустно усмехнулся:— Процесс прошёл успешно. Эмоциональное ядро изъято, теперь для вас это просто строчка в биографии. Приложите карточку к терминалу.

Захар достал из кармана банковскую карту. Раздался писк, и экран телефона тут же ожил, цифры уведомления загорелись неоновым светом.

«Баланс: 450 143₽».

Захар посмотрел на экран. Проблема с банком решилась одним кликом. Он перевёл тысячу однокурснику, оплатил аренду за три месяца вперед и закрыл кредит. Долгов больше не было. На душе стало... спокойно.

Старик улыбнулся, разбирая аппаратуру и пряча в шкаф склянку с надписью «Вся жизнь впереди».

Захар попрощался со стариком, вышел из подвала и направился по морозной улице обратно к дому. Ветер всё

так же кусал щёки, под ногами хрустел снег. Захар шёл и думал о том, что завтра нужно снова идти в супермаркет, потом сдавать курсовую, потом искать нормальную работу. Жизнь была понятной и логичной.

Захар поднял воротник куртки, прячась от ветра, и поймал себя на мысли, что четыреста пятьдесят тысяч — это, в общем-то, не такая уж большая сумма для начала взрослой жизни.

Прошло две недели. В съёмной квартире Захара снова горел свет, а на плите кипел наваристый мясной суп, а не дешёвая лапша. Жизнь стала комфортной, предсказуемой.

В субботу Захар отрабатывал дневную смену в супермаркете. Он монотонно пробивал товары, глядя на проплывающие мимо пачки молока, хлеб и консервы.

— С вас четыреста двадцать рублей. Карта, наличные?
— на автомате произнёс Захар, даже не поднимая глаз на очередного покупателя.

— Картой, сынок, картой, — раздался немолодой, но на удивление бодрый голос.

Захар поднял голову и замер. Перед ним стоял старик лет семидесяти: лицо иссечено глубокими морщинами, короткие седые волосы, дрожащие пальцы, прижимающие карту к терминалу. Но что-то в нём было не так: в отличие от сотен других пенсионеров, этот старик буквально светился. Глаза его, ясные и живые, блестели безумным азартом.

«Так улыбается, словно миллион выиграл» — подумал Захар. В груди что-то неприятно ёкнуло. Старик глубоко вдохнул, расправил плечи и посмотрел на Захара с таким восторгом, будто перед ним был не кассир в грязном фартуке, а старый друг.

— Какая же жизнь прекрасная штука, а, парень? — вдруг

громко произнёс старик.

Захар нахмурился и отвел глаза.— Рад за вас. Следующий, пожалуйста...

— Нет, ты послушай! — старик подался вперёд, при-
близившись к Захару. — Я сегодня проснулся и понял: всё
только начинается! Мне плевать на суставы, плевать на
давление. Ты представляешь, какое это чувство? Когда
стоишь на краю обрыва... огромного такого, песчаного ка-
рьера. Ветер прямо в лицо дует, сильный, тёплый, пахнет
молодой травой, аж дышать трудно!

Сердце Захара пропустило удар. Сканер штрих-кодов в
его руке едва не выскользнул.

— Что вы сказали? — пересохшими губами переспросил
он.

— Я говорю, восторг! — старик зажмурился, и на его мор-
щинистом лице отразилось абсолютное счастье. — Солн-
це садится, небо вокруг розово-золотое, как на картинке.
А в кармане — копейки, стипендия какая-то смешная, но
тебе так плевать! Сзади друзья что-то кричат, смеются, а
внутри... Господи, внутри всё поёт. Чувство такое, будто
ты бессмертен. Будто весь мир лежит у твоих ног, и ты мо-
жешь горы свернуть. Чистая, пьянящая свобода! Кончики
пальцев аж покалывает от энергии, понимаешь?

Старик открыл глаза и весело взглянул на Захара. А За-
хар смотрел на него и чувствовал, как внутри разрастается
ледяная, звенящая пустота. Старик описывал чужое вос-
поминание с такой живостью, с какой сам Захар теперь не
мог вспомнить даже собственное вчерашнее утро. Кусок
его души, отданный за четыреста пятьдесят тысяч, теперь
питал этот увядающий организм, заставляя дряхлое сердце
биться в ритме юношеского оптимизма.

— Вы... вы купили это? — тихо, чтобы не услышал адми-
нистратор, спросил Захар. — В агентстве?

Старик заговорщицки подмигнул.— Лучшая инвестиция в моей жизни, сынок. Отдал последние сбережения, зато теперь я снова живу. А то всё быт, болячки, уныние... А тут — вся жизнь впереди!

Старик подхватил пакет и лёгкой, почти летящей походкой направился к выходу из супермаркета. На пороге он обернулся, подставил лицо ворвавшемуся с улицы морозному ветру и улыбнулся.

Захар посмотрел ему вслед и вернулся к работе. Старик его больше не интересовал.

— Следующий, — сказал он.

РОАЛЬД ДАЛЬ

ЧЕЛОВЕК С ШЕЛКОВЫМ ЗОНТОМ

ПЕРЕВОД МАРИИ ЛЕВОЧКИНОЙ

Я хочу рассказать вам забавную историю, которая произошла со мной и моей мамой. Мне двенадцать лет. Моей маме тридцать четыре, а я уже почти такая же высокая, как она.

Вчера вечером мы отправились в Лондон на прием к дантисту. Он вылечил кариес на моем заднем зубе, даже не причинив мне особой боли. После этого мы зашли в кафе, где я заказала банановый пудинг, а мама – чашку кофе. Когда мы собрались уходить, было шесть часов вечера.

Стоило нам выйти на улицу, как полил дождь.

— Нужно поймать такси, — сказала мама. Дождь припустил не на шутку, и наши пальто и шляпки быстро промокли.

— Почему бы нам не вернуться в кафе и не подождать, пока дождь закончится? — спросила я. Мне очень хотелось съесть еще этого замечательного бананового пудинга.

— Дождь закончится еще не скоро, — произнесла мама, — а нам пора домой.

Мы стояли на тротуаре под дождем, высматривая такси. Многие из них проезжали мимо уже с пассажирами.

— Мне бы очень хотелось иметь машину с личным водителем, — вздохнула мама.

Как только она это сказала, рядом с нами появился незнакомец. Это был низкий старичок лет семидесяти или больше. Он вежливо снял перед нами шляпу и сказал маме: «Извините, я надеюсь, что не помешаю вам». На его морщинистом покрасневшем лице были элегантные седые усы и густые брови. У незнакомца был зонт, который

он держал высоко над головой.

— Что вам нужно? — спросила мама холодно и отстраненно.

— Я лишь хочу попросить вас об одолжении, — сказал он, — совсем небольшом одолжении, если вас не затруднит.

Я видела, что мама смотрит на него с подозрением — такой уж она человек. Но особенно недоверчива она к двум вещам: незнакомцам и варёным яйцам. Если дело доходит до варёных яиц, она отрезает им верхушки и ковыряет в них ложкой, словно оттуда вот-вот выскочит мышь. С незнакомцами у нее было одно золотое правило: «Чем приятнее человек кажется на первый взгляд, тем подозрительнее ты должен к нему относиться». Этот старичок был особенно любезен и вежлив. Он говорил складно и был хорошо одет. Все в нем выдавало настоящего джентльмена. Но больше всего внимания я обратила на его обувь. «Ты всегда можешь определить, джентльмен перед тобой или нет, посмотрев на его туфли», — одна из любимых маминых фраз. А туфли у незнакомца были красивые, коричневые и в прекрасном состоянии.

— Я попал в небольшую передрагу, и мне нужна помощь, — сказал он. — Уверяю вас, ничего серьезного, но это очень важно для меня. Вы же знаете, мадам, старики часто бывают страшно забывчивы...

Мама вздернула подбородок и посмотрела на него сверху вниз. Страшное дело — этот ее ледяной взгляд. Большинство людей терялись под таким взглядом. Однажды я даже видела, как моя директриса начала заикаться, притворно и глупо улыбаясь, когда мама так на нее взглянула. Однако старичок с зонтиком над головой даже бровью не повел. Он вежливо улыбнулся и продолжил:

— Прошу вас, поверьте мне, мадам, обычно я не останавливаю молодых леди посреди улицы с рассказами о своих

проблемах.

— Надеюсь, что нет, — произнесла мама.

Я чувствовала себя немного неловко из-за маминой резкости. Хотелось сказать ей: «Мамочка, ради бога, он же всего лишь старый добрый старичок, который попал в беду, поэтому не будь, пожалуйста, с ним так сурова», — но я стояла молча.

Незнакомец переложил зонт из одной руки в другую.

— Я никогда не забывал его раньше, — сказал он.

— Не забывали что? — резко спросила мама.

— Мой кошелек, — печально произнес старичок, — должно быть, я оставил его в другом пальто. Ну не глупо ли?

— Вы просите меня дать вам деньги?

— Ах, боже мой, нет! — воскликнул он. — Бог свидетель, я бы не просил о таком!

— Тогда чего вы хотите? Только быстрее. Мы уже промокли до нитки.

— Именно поэтому я предлагаю вам свой зонт, который защитит вас от дождя. Если бы только...

— Если бы только что? — поинтересовалась мама.

— Если бы вы только дали мне за него всего лишь один фунт, чтобы заплатить за проезд домой.

Мама по-прежнему смотрела на этого человека с подозрением.

— Если у вас изначально не было денег на проезд, как же вы добрались сюда? — спросила она.

— Я пришел сюда пешком, — ответил он. — Каждый день я выхожу на долгую прогулку, а потом ловлю такси, чтобы добраться домой.

— Почему же вы не пойдете пешком сейчас?

— Ох, я бы очень хотел, — сказал он. — Я правда бы очень хотел, но не думаю, что справлюсь с этим на своих слабых

ногах. Я уже забрел слишком далеко.

Мама стояла, закусив нижнюю губу. Я чувствовала, что она в замешательстве, а идея спрятаться от дождя под зонтом ей очень нравилась.

— Это прекрасный зонт, — сказал маленький старичок.

— Да, я заметила, — ответила мама.

— Это настоящий шелк.

— Я вижу.

— Тогда почему вы не хотите взять его, мадам? — спросил он. — Он стоил целых двадцать фунтов, уверяю вас. Но теперь мне это уже неважно, сейчас самое главное — добраться домой и дать отдохнуть своим старым ногам.

Я увидела, что рука мамы нащупывает застёжку своего кошелька. Она заметила, что я смотрю на нее. На этот раз я ответила ей своим собственным ледяным взглядом. Она знала, что я хотела ей сказать: «Слушай, мамочка, нельзя же так мучить бедного старика. Это гадко!». Мама остановилась и еще раз взглянула на меня. Затем она сказала старичку:

— Не думаю, что это достаточно честно — взять у вас шелковый зонт стоимостью двадцать фунтов. Будет лучше, если я дам вам деньги на дорогу домой, и делу конец.

— Об этом не может быть и речи! — воскликнул он. — Это больше, чем я мог бы просить! Я бы никогда не принял деньги от вас таким образом! Ни за что на свете! Возьмите зонт, милая леди, и пусть ни одна капля дождя не упадет на ваши плечи!

Мама кинула на меня торжествующий взгляд через плечо. «Вот видишь, ты была не права. Он просто хочет, чтобы зонт достался мне», — говорил этот взгляд.

Она порылась в своем кошельке и, достав оттуда фунтовую банкноту, вручила ее старичку. Он взял деньги и отдал ей зонт. Сунул фунт в карман, приподнял свою шляпу, ко-

ротко поклонился и произнес:

— Спасибо, мадам, сердечно вас благодарю, — и ушел.

— Заходи под зонтик, милая, не мокни под дождем, — сказала мама. — Как нам повезло! У меня никогда раньше не было шелкового зонта. Я бы в жизни не смогла позволить себе его.

— Почему ты была с ним так груба вначале? — спросила я.

— Я хотела убедиться, что он не мошенник. Я убедилась. Он был джентльменом, и я рада, что смогла помочь ему.

— Конечно, мамочка.

— Настоящий джентльмен, — продолжала она. — И весьма состоятельный, если учесть, что у него был такой зонт. Я бы даже не удивилась, если бы он был титулованной особой — кем-то вроде герцога Йоркского.

— Да, мамочка.

— Еще это будет хорошим уроком для тебя, — сказала она. — Никогда не торопи события. Всегда дай себе время хорошенько подумать. Тогда ты никогда не совершишь ошибки.

— Мама, смотри, вот он идет!

— Что? Где?

— Прямо здесь. Он переходит улицу. Боже мой, мамочка, куда он так спешит?

Мы наблюдали, как этот маленький человек ловко сновал между машинами. Он шел очень быстро и, достигнув другой стороны улицы, повернул налево.

— По-моему, он не выглядит слишком усталым. Как тебе кажется, мамочка?

Но мама не отвечала.

— Он даже не выглядит так, будто хочет вызвать такси, — сказала я.

Моя мама стояла тихо и неподвижно, устремив взгляд на старичка, спешившего куда-то. Сейчас мы разглядели его

лучше. Он бодро шагал по тротуару, в спешке уворачиваясь от прохожих и размахивая руками, как солдат на марше.

— Он что-то затевает, — сказала мама с каменным лицом.

— Но что?

— Не знаю, — отрезала она, — но я это выясню. Пойдем со мной.

Мама схватила меня за руку, и мы пошли вместе вдоль улицы. Затем повернули налево.

— Ты видишь его? — спросила мама.

— Да, он здесь. Сейчас сворачивает вниз на следующую улицу.

Мы добрались до угла и свернули за ним направо. Старичок был в двадцати шагах от нас. Он метался в толпе, словно кролик, и мы должны были идти очень быстро, чтобы не потерять его из виду. Дождь усилился, и я видела, как капли сбегают с полей шляпы прямо ему на плечи. А нам было сухо и уютно под его большим шелковым зонтиком.

— Что он замышляет? — спросила мама.

— Что, если он обернется и увидит нас? — задала я вопрос в ответ.

— Об этом я не беспокоюсь. Он соврал нам. Он сказал, что был слишком уставшим, чтобы идти дальше, а сейчас заставил нас бегать за ним! Бессовестный лгун! Мошенник!

— Ты имеешь в виду, что он все-таки не герцог? — спросила я.

— Говори тише, — ответила мама.

На следующем перекрестке старичок повернул снова. Опять направо, а потом снова налево.

— Нет уж, теперь я не отступлю, — сказала мама.

— Он пропал! — захныкала я. — Куда он делся?

— Он зашел в эту дверь! — воскликнула мама. — Я видела его! В это здание! Боже мой, это же паб!

На вывеске паба крупными буквами было написано:

«КРАСНЫЙ ЛЕВ».

— А мы не собираемся зайти внутрь, мамочка?

— Нет, — ответила она. — Мы будем наблюдать снаружи.

Вдоль всего фасада шло большое витринное стекло, и хоть изнутри оно слегка запотело, стоило подойти поближе — и все стало прекрасно видно.

Мы стояли, съежившись, у витрины. Я вцепилась в мамину руку. Крупные капли дождя громко барабанили по нашему зонту.

— Вон он! — воскликнула я. — Вон там!

Помещение, в которое мы заглядывали, было полно людей и сигаретного дыма. И тот самый маленький старичок находился в его центре. Сейчас он без шляпы и пальто пробирался сквозь толпу. Добравшись до стойки с напитками, он облокотился на нее и заговорил с барменом. Я видела, как его губы шевелятся, когда он заказывал что-то. Бармен отвернулся от него на мгновение и вернулся с небольшим стаканом, до краев наполненным светло-коричневой жидкостью. Старичок положил фунтовую банкноту на стойку.

— Это моя банкнота! — прошипела мама. — Вот нахал! Какая наглость!

— Что в его стакане? — спросила я.

— Виски, — ответила мама. — Чистый виски.

Бармен не дал ему сдачи с фунта.

— Должно быть, это тройной виски.

— Что значит тройной? — любопытствовала я.

— Тройная порция.

Старичок взял в руки стакан и поднес его к губам. Он слегка наклонил его. Потом наклонил сильнее...и сильнее...и сильнее. Вскоре весь виски исчез у него в горле.

— Дороговатый напиток, — произнесла я.

— Это просто нелепо! — воскликнула мама. — Подумать

только: целый фунт за то, что ты проглатываешь за один глоток.

— Но тот шелковый зонтик, который он дал нам, стоил гораздо больше одного фунта.

— Так и есть, — недоуменно сказала мама. — Он, должно быть, сумасшедший.

Старичок стоял у стойки бара с пустым стаканом в руке. Он теперь улыбался, и по его круглому покрасневшемуся лицу расплывалось удовольствие. Я увидела, как он высунул язык, чтобы облизать свои седые усы, словно отыскивая последнюю каплю драгоценного виски.

Медленно он отвернулся от стойки и стал пробираться сквозь толпу туда, где висели его пальто и шляпа. Надел шляпу. Надел пальто. Затем с видом настолько невозмутимым и непринужденным, что едва можно было что-то заподозрить, снял с вешалки один из мокрых зонтиков, висевших там, и забрал его с собой.

— Ты это видела?! — вскрикнула мама. — Ты видела, что он сделал?!

— Тише, мама — прошептала я. — Он выходит.

Мы опустили зонт, чтобы скрыть наши лица.

Он вышел на улицу, даже не глядя в нашу сторону. Раскрыл над головой новый зонт и засеменял прочь по дороге туда, откуда пришел.

— Так вот что за игру он ведет! — воскликнула мама.

— Ловко, — сказала я. — Хорошо сыграно.

Мы последовали за ним обратно на главную улицу, где впервые его встретили, и увидели, как он без малейшего труда осуществил свою аферу снова — отдал свой зонт за очередную фунтовую банкноту. В этот раз его жертвой стал высокий худощавый человек, у которого не было ни пальто, ни шляпы. И как только сделка была совершена, старичок затрусил по улице и затерялся в толпе. Но на

этот раз он пошел в противоположную сторону.

— Ишь, какой умный! — сказала мама. — Он никогда не заходит в один и тот же паб дважды.

— Он мог бы проворачивать такое всю ночь, — ответила я.

— Да, скорее всего, — с досадой произнесла мама. — Я готова поспорить, что он молится не переставая, чтобы дожди шли чаще.

Лёнька и море

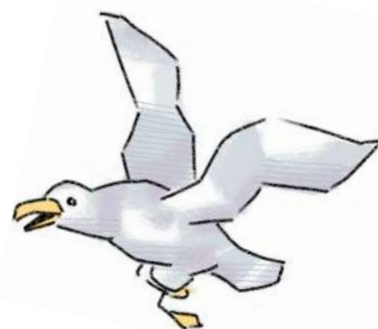
Беги, беги, волнуйся, море! Пусть твои всплески утешают опечалившихся и дают веру разочарованным. Пусть дети, завидя тебя в первый раз, кричат, бегают и протягивают к тебе свои тёплые ладошки. Ты можешь и окунуть их с головы до кончиков пальцев, и дать волю их затеям, и даже слегка испугать. Но я знаю, что ты всегда стремишься быть доброжелательным, милое море! А что с тобой во время шторма происходит, так это просто сказка! Волны, словно цунами, высотой с девятиэтажный дом. Да ещё и шумишь так знатно! Жаль, мамы не пускают детей далеко, а малышей вообще держат на берегу. Иногда это бывает грустно и обидно. Но вглядываться в эти высокие и бурлящие волны всегда заманчиво. Унесёт или не унесёт? Заденет или не заденет? А море холодное или тёплое? Часто эти вопросы остаются без ответа, потому что мама уводит детей домой. Эх, жаль, взрослые не понимают, что море для ребят тоже своего рода дом. Где дети смогут построить свой замок с укреплениями-ракушками и валом вокруг него? Где смогут потрогать золотистый песок, которым усыпаны пляжи, где смогут научиться всему самому важному в жизни? Конечно же, дома – у моря.

Прыгали по камушкам звенящие брызги. Солёная пена, не останавливаясь, приближалась к ногам мальчика и отступала. Мальчику не мерещились ни заморские корабли на горизонте, ни выгибающиеся спины дельфинов, ни сверкающий на солнце дождь, наполняющий бескрайнее синее полотно под небом, ни подводная лодка, которая решила бы исследовать местность именно у его родного

берега и забрать его с собой в кругосветное плавание.

Была ранняя-ранняя осень, даже, можно сказать, позднее лето. Судя по прогнозу, можно было ещё ходить в шортах и футболках, но школьники всех возрастов всё равно натянули тёмно-синие брюки и после уроков щеголяли перед чайками на берегу, словно их предводители. Камни летели, песок тоже, да и рюкзаки не отставали. За своим смехом, визжанием и толкотнёй младшекласникам не было заметно ни крика бабушки, пытавшейся мирно подремать на берегу, ни грохота со стройплощадки, занявшей полнабережной, ни тихого шёпота невысокого мальчугана, который то и дело оглядывался на резвящийся молодняк. Стоило лишь чайке подступиться к владениям маль-
чика, обозначенным увесистым рюкзаком и сменкой, так шёпот сразу же замолкал, и на его месте вырастал скомканный выкрик: «Уфх, пошла отсюда!» Дети также не замечали неизвестного мальчика, всё носились, перекатывались и пинались. Шалости. Да, они так много теряют в свои лучшие годы! А вот в наше время...

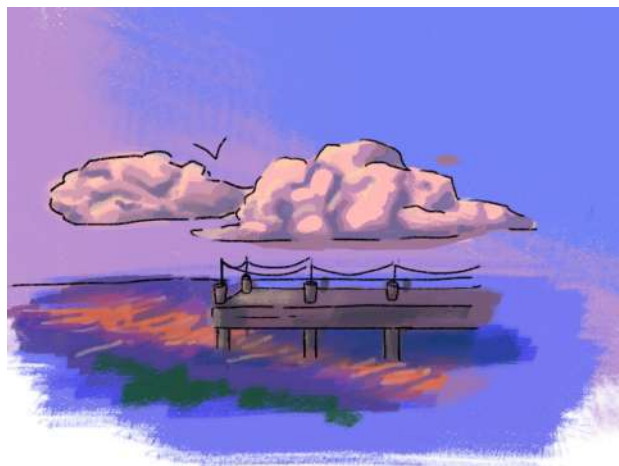
Шум, шелест, шёпот, шорох моря всегда немного успокаивали восьмиклассника Лёньку. Он не думал о проблемах, которые подстерегали его на каждом шагу, о тех, кто с давних пор гнобил его в школе, а всё сидел на берегу, иногда вставал, потягивался и прохаживался по волнорезу – пирсу, по его мнению. Хотя многие называли эти каменные глыбы именно вторым вариантом, Лёнька был всё-таки убеждён, что он один-единственный знает их правильное имя. У предмета имя может писаться и со строчной буквы. А у людей – только с заглавной. Но некоторых людей мальчик специально писал в свою тетрадь с маленькой буквы. Не хотел с ними иметь дело.

Листы постепенно наполнялись буквами, затем словами и строчками. Точка. Лёнька поднимает глаза, вглядывается в морскую даль, пристально щурясь, а потом снова опускает взгляд на тетрадь. Три с половиной строчки корявого, прыгающего почерка, ничего больше. Зачёркивает последнее слово «надо». Потом всё остальное. Резко закрывает тетрадь, подпрыгивает на месте, выпрямляется во весь свой небольшой рост и швыряет листы далеко-далеко, прямо в пасть моря. Попытка морального очищения провалилась. Не хочется больше стараться уйти от своих мыслей. Тем более таким дурацким способом.

Мальчуган приходил несколько раз в неделю. Иногда без тетради. Иногда без рюкзака. Или с порванным. Постепенно терзающая его боль угасала, как ему казалось. Жаль, что потом снова это разочарование возвращалось, да ещё с большей силой. Главное было не трогать Лёньку во время его своеобразной медитации – это уже запомнили все. Восьмиклассник пришёл и 24 октября, и 3 ноября, и 8 декабря, и в сочельник. Последний день запомнился ему особенно. Никакого звона бубенцов, никаких радостных поздравлений, никакой хороводной песни он не слышал. Море в этот день штормило. Как раз кстати. И закат уже потихоньку загорался, но подходил к горизонту тусклыми лучами. Лёньке эта атмосфера на удивление понравилась,

он захотел продлить этот миг. Последний миг за сегодня. Да и за всегда.

Восьмиклассник что-то на-черкал по-быстрому в своём блокноте, как будто завещание человека, вот-вот готовившего покинуть этот мир, потом вырвал ни в чём не повинный

листок, скомкал его, замахнулся, но оставил подле себя. В абсолютно шуршащей тишине морской глади он не смог расслышать шептание на лавочках и ветер в кроне деревьев. Он был в своём собственном мире, сотканном из ниток клубка мыслей. Потом клубок закончился, и Лёнька начал бороздить просторы своего разума без курса в какую-либо сторону. В таком состоянии он встал и пошёл к пирсу. К тому самому волнорезу номер шесть. Вещи остались его дожидаться. Шероховатый пирс был без лестницы (а она когда-то была, и школьники зачастую приходили прыгать в воду и залезать обратно на волнорез именно по этой самодельной лестнице).

«Я наблюдал за ними в конце прошлого мая. Они слишком громко ругались и толкали друг друга прямо в море. И меня тоже. А я тогда был одет в свой лучший костюм с бабочкой. Как же они глупо себя вели. Не хотел бы я с ними ещё хоть раз встретиться,» – вспомнил Лёнька.

Мальчик бродил по краю дорожки и, пока раздумывал о неугомонных шумных подростках, оступившись, полетел вниз. Все самые гадкие и отвратные воспоминания всколыхнулись в его памяти, и у Лёньки в голове пронеслась самая радостная мысль за последние десять минут: «Как хорошо, что больше этого не будет».

Морской резкий запах смешался с далёким, ни на что не похожим проблеском солнца. Чайки выкрикивали каждая свою сочинённую песню. Волны продолжали шуметь, но никто, кроме рыб, в них не плескался. Зажмуренные глаза медленно раскрылись, и взгляд Лёньки устремился на старика, который схватил и тянул его назад на пирс из последних сил.

— Эх, шалун, ты бы уже поторопился, а то... я уже не могу тебя держать...

Мальчуган быстро вернулся на волнорез. Старик выдох-

нул и стёр пот с лица фуражкой. Нависла тяжёлая пауза. Для Лёньки она стала переосмыслением всего только что произошедшего в его раздумьях и наяву, а для старика – минутой для восстановления сил и осмотра спасённого. Мальчик не отличался особо ничем от своих сверстников, только уж очень он был похож на ботаника. Вот вылитый учёный. И очки, и туфли с брюками, и пальто, застёгнутое на все пуговицы, указывали на это. Старик призадумался и поинтересовался у Лёньки:

— Ну и почему же тебя занесло в такую бурю гулять по молу?..

— По чему, извините?

— Да, почему?

— Я спрашиваю, что за мол-то такой? Это мой пирс.

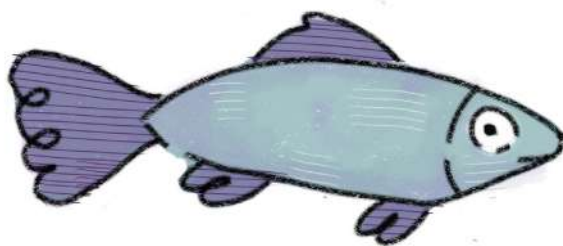
— Чем докажешь?

— Я по нему часто гуляю, я чуть с него сейчас не спрыгнул. Он мой. Должен был и в памяти у всех остаться моим.

— А если я скажу, что это я в молодости его построил, то что ты мне сможешь возразить?

Повисла неловкая пауза, мальчик смирился. Ему нечего было сказать, он лишь виновато вынул платок и шмыгнул носом.

— На этом молу прошла вся моя жизнь. Все желания, которые я загадывал здесь, в большинстве своём сбывались, а встречи, которые происходили тут, давали мне курс на будущее. Ты бы тоже не тратил своё драгоценное время на пустяки, а занялся действительно тем, что тебе нравится. К

чему лежит душа. И следуй за морем, оно укажет путь.

Мальчик подумал, порассматривал старика, загадал своё самое сокровенное желание, оставив его в секрете от других, и посмотрел на качающийся вдалеке кораблик. Лёнька что-то быстро сообразил, сбежал с мола и, прихватив вещи с берега, в раздумьях пошёл по набережной в противоположную сторону от стариковского пристанища – мола номер шесть. Оглянулся, но увидел вместо силуэта грузного рыбака лишь гигантскую волну, разбившуюся о пирс.

Море бушевало именно так, как надо было именно в тот миг. Забили куранты, расцвёл салют, началась новая жизнь.

ЧИТАТЕЛЯМ НА ЗАМЕТКУ

Несимметричная : роман :/ И. Н. Бутенко. – Москва: Маракуйя: Детская литература, 2026. – 352 с. – (Маракуйя). – ISBN 978-5-08-007590-2.

Злата Бережная Несимметричные люди

Я минут десять смотрела на точку в конце последнего предложения. Я не знала, что чувствовать, потому что чувствовала слишком много. Как вообще человек может испытывать одновременно грусть, опустошение, радость и непонимание? Наверное, на то он и человек.

«Несимметричная» – история о девочке Соне, лишившейся руки. Она изменилась и теперь смотрела на мир иначе. Но вокруг неё остались те же люди: друзья, родители.

В книге окружающих Соню героев автор сделала одинаковыми. Ctrl+C – Ctrl+V. Персонажи книги не всегда казались мне людьми: их всех будто учили говорить в одной школе. Только волосы красили в этой школе в разные цвета. Рыжий Илья, блондинка Соня, брюнет Костя... Но ведь у каждого был свой характер!

Я верила Соне: её истерикам, слезам, смеху и спорам. Я то и дело задавала себе один вопрос: «Что Соня чувствует?». Представляла. Наверное, я вела бы себя ещё отвратительнее. Я хотела верить и Полине, и Илье, и маме, и загадочному Гудвину. Но автор сделала всё, чтобы читатель им не верил. И дело даже не в их поступках, а в том, как они

говорили. А говорили все одинаково! Один голос на всех, будто автор не успела дать каждому свой.

Однако молчали герои по-разному. Соня молчала о руке, Полина – о том, что боится остаться одна, мама – о том, что устала. Герои не могли слышать, о чём молчат другие. Зато читатель мог. Слышать чужое молчание – значит чувствовать боль. И иногда этого делать совсем не хочется. Книга показывает людей, которые не умеют разговаривать друг с другом, но умеют думать. Как в жизни. Как у меня. Как у всех, наверное.

И эта неспособность говорить, но умение думать – главный приём книги: Ирина Бутенко держит читателя в субъективном сознании Сони. Всё происходящее мы видим через призму её взгляда. Она подросток и хочет быть самой обыкновенной: делать маникюр, гулять, любить. Но всё рушится после несчастного случая. Соня делает виноватым Илью, ненавистным – магазин, а окружающих людей – врагами.

И вот здесь название начинает работать по-настоящему. «Несимметричность» – не только про руку, но и про несимметричные отношения между людьми. Соня любит маму, но грубит ей. И мама любит Соню, но устала быть сильной. Полина привязана к Соне, но боится оказаться брошенной. Не бывает идеально симметричных отношений между людьми.

Создалось ощущение, что автор скомкала хороший сюжет в детскую повесть. Мне не хватило внутренних переживаний и глубины произошедшего. Катастрофа в повести показана через юмор и лёгкость. Это можно объяснить тем, что книга создана для детей, а в шестнадцать оно так и бывает: скомкано, непонятно, быстро, несимметрично.

Повесть можно поставить на одну полку с такими книгами, как «Виноваты звёзды» или «Спеши любить». Это

истории о первой любви, о взаимоотношениях родителей и детей, о школе. Повесть Ирины Бутенко написана с психологической глубиной, без пафоса и жалости. Она не учит подростков напрямую. Кто захочет – научится сам. Найдёт себя в Соне, Илье или Полине. Поймёт их молчание.

Но есть аудитория, о которой обычно забывают, когда говорят о детской литературе, – взрослые. Но и они могут постараться понять героев-подростков. Почему Соня грубит? Из-за банки джема или чувств, одиночества или усталости? Эта книга работает как переводчик с «подросткового» на «родительский». И это, может быть, ценнее педагогического трактата, потому что трактат объясняет законы, а книга показывает живого человека.

«Несимметричная» – история, которая не заканчивается на последней странице. Ты закрываешь книгу, но продолжаешь думать: «Что это было? Что делать дальше?». Мне хотелось одного из двух: перечитать всё сначала или убрать книгу и больше никогда не вспоминать о ней.

Перечитала.

Прив, го гулять?

Го, в БУДУЩЕЕ

12+

«Я ВЕДЬ ВЗРОСЛАЯ УЖЕ»

Вероника Чувашева

Холодный бриз целует берег сонный,
Здесь осень пишет охрой на песке.
И море – тайна вечности бездонной,
И тонет всё в пронзительной тоске.

Пустеет берег, в дымке скрыты дали,
Ушли в слепую суету квартир.
Лишь шепот волн звучит в морской печали,
Встречая осень, наполняет мир.

Здесь каждый вдох пропитан влажной солью,
Здесь блики гаснут в бархате воды.
И весь пейзаж, венчанный синей болью,
Стирает след ушедшей красоты.

Арина Чернецкая

РАЗНОЕ

1.

Кулер ноутбука был на пределе, выдувая на ладони сухой, обжигающий воздух. Датчик температуры в углу экрана мигал тёмно-красным, алым: шестьдесят два градуса. На системном диске оставалось меньше гигабайта – этого не хватало даже на полноценный фильм в хорошем качестве, не говоря уже об огромном количестве тяжёлых видеофайлов с тренировок.

Ника сидела в компьютерном кресле, поджав одну ногу. Розовый пушистый плед сполз с плеча. Спина – прямая. Это была вьёвшаяся в позвоночник привычка из зала: за расслабленные плечи Алексеич мог отправить на силовой проход через весь мат. На Нике был тёмно-коричневый свитер из плотной шерсти – тот самый стиль «олд мани», который давал ей колоссальную уверенность. Левый наушник транслировал тяжёлый рок, её единственно любимую музыку уже второй год. Правое ухо оставалось открытым: мало ли что.

Передвигая компьютерную мышку, Ника чистила память на ноутбуке, который ей подарили за очередную победу на региональных соревнованиях по единоборствам. Она собиралась сделать это еще в июне – не собралась. Лето кончалось, школа была на носу, а Ника каждый день с утра до вечера пропадала в зале, готовясь к поступлению на тренера. Свободный вечер выдался только сейчас.

Спустя некоторое время курсор замер на папке Новая папка (3). Объем: 46,2 ГБ. Дата создания: 14 октября 2021 года.

До того дня Ника была «громкой». В памяти ещё жили фрагменты: 2019-й, она строит в «Майнкрафте» гигантские замки из розовых кубиков и стекла, командуя в Discord целой оравой одноклассников, людьми из параллели, кем-то из соседней школы, которые были в их дружной компании; 2020-й, Ника с той же компанией обсуждают новые мемы, постоянно шутят на переменах, прикалываются друг над другом; 2021-й, они идут вместе в торговый центр за трендовыми игрушками. Тогда Ника не боялась своего голоса. Она картавила так густо, что это казалось её личной особенностью – как родинка или шрам. Девушка могла перекричать на перемене школьный звонок, рассказывая историю и заглатывая буквы «Р», и ей было плевать.

Ника кликнула по файлу
«voice_14_10_2021.ogg».

— Смотг-ите, я постг-оила погг-тал, заходите быстг-ее, пока мобы не заспавнились! Киг-илл, ты где застг-ял?

Голос тринадцатилетней Ники был звонким, невыносимо нелепым. Единственной её реакцией был короткий, сухой хруст: правая рука автоматически сжалась в кулак, и фаланги пальцев встали в замок.

Кирилл, ещё один тогдашний заводила класса, сделал из этой фразы «Киг-илл, застг-ял» издевательский ремикс, который месяц крутили на переменах. Многие пацаны из школы ставили этот звук на телефонный звонок, ещё больше издеваясь над Никой.

А ведь она сказала это особенно искренне. Ей нравился Кирилл, её Киг-юша. Они частенько отрывались от компании вдвоём: шли до парка, брали мороженое, обсуждали обновления игр. Раз в неделю, стабильно. Но дальше Кирилл начал отдаляться – в мужское, в уважение среди парней.

Ника поставила запись на паузу. В тишине остался лишь

гул описывающего процессора.

2.

В зале пахло старой кожей, канифолью и тем специфическим едким потом, который бывает только там, где пашут на пределе. Ника сидела на деревянной старенькой скамейке, затянув зубами конец тёмно-бежевого бинта. Петля на большой палец. Три оборота вокруг запястья. «Восьмёрка» через костяшки. Ткань должна была лежать идеально.

— Ник, ты так бинтуешься, будто сегодня финал чемпионата, — Пашка, тяжеловес из старшей группы, остановился рядом. — Расслабься, сегодня просто отработка двоек.

Ника не подняла головы, фиксируя липучку.

— Дисциплина начинается с мелочей, Паш. Ты же знаешь, что Алексеич говорит.

— Алексеич говорит, что ты скоро в робота превратишься, — хмыкнул он и ушёл к рингу. Ника ничего не ответила.

Дверь мужской раздевалки хлопнула, и в зал зашел Кирилл. За лето он стал ещё шире. Теперь он весил уже под восемьдесят три килограмма, а в его движениях появлялась та ленивая уверенность, которая раздражала Нику больше всего. Сумка упала в метре от скамейки. Он повернулся в сторону девушки.

— Опять в своём скафандре? — он кивнул на её рашгارد и безупречную косу. — Не жарко?

Ника расправила плечи и только тогда посмотрела на него.

— Мне удобно, Ки-Р-илл.

Она намеренно выделила «Р». Теперь эта буква была её оружием. Она звучала как удар стали о камень — твёрдо, раскатисто, звонко. Кирилл на мгновение замер. Каждый раз, когда они разговаривали, Ника словно била его этой дикцией в лицо.

— Колючая, — пробормотал он, разминая кисти. — Видел тебя сегодня в сети в три часа ночи. Опять не спится? Или пересматриваешь в тысячный раз видео с тренировок, пытаюсь увидеть у себя недочёты.

— Тебе-то что? — отозвалась Ника, параллельно вставая со скамьи и отряхивая свои черные леггинсы от пыли.

— Ничего. Просто... Алексеич сказал, что сегодня смешанный спарринг. Мы в паре. Постарайся не уснуть.

3.

Дома она снова сидела перед экраном ноутбука, прижимая к груди розового котика. Лиза выиграла игрушку на одной из шумных прогулок и с восторгом отдала её Нике, потому что в первый раз смогла в автомате что-то заполучить. Крепко тогда обняла. Сейчас они не общались: интересы разошлись, ценности изменились. Да и Лиза, впрочем, смеялась громче многих над ремиксом с картавостью Ники.

На экране – не аудио. Скриншот из чата за восьмой класс.

Кирилл (K_R): Слыхали новый трек? Ника-бит! Р-р-р-революция в музыке!

Парни со школы вновь создали музыку с фразой, где картавила Ника.

Ника помнила ту тишину в классе на следующее утро, когда она зашла в кабинет. Это было хуже любого ржача. Все ждали, что она расплачется или начнет оправдываться. Вместо этого Ника замолчала. Буквально. На год. Со второй центральной парты она перевелась на последнюю, на третий ряд от окна, и стала отвечать учителям односложно, парочкой слов. А в ноябре отец привел ее в зал единоборств, чтобы она «нашла характер».

Ника посмотрела на свои костяшки. Сбитые, тёмные от

работы с грушей. Девушка вспомнила сотни часов перед зеркалом, когда она повторяла разные скороговорки, например: «Гер-р-ракл ор-р-рла пр-р-рогоняет». Ника заставляла себя пер-р-рер-р-рождаться, пока не перестала слышать в этом звуке чужой смех.

Она закрыла скриншот. Почему-то сейчас, глядя на аватарку Кирилла в текущем чате десятого класса, она не чувствовала ненависть.

4.

— Ника, Кирилл – на центр! — голос Алексеича разрезал шум зала. — Зацеп изнутри. Кирилл, вторым номером. Не стой как столб. Ника, задача – уронить его максимально чисто.

Ника вышла на мат. Сердце колотилось в горле, но лицо оставалось серьёзным. Девушка была в нежно-розовой футболке. Кирилл встал напротив. Он поднял руки, и Ника почувствовала от него тепло и запах едкого, «мужского» аромата духов. Они начали двигаться по кругу. Кирилл зеркалил её, но Ника видела: сдерживается. Даёт фору. Это взбесило её сильнее, чем опоздания напарника на парные отработки.

— Встань нормально, — сквозь зубы сказала она.

— Я нормально стою, Ник.

— Не поддавайся мне.

Она сократила дистанцию. Кирилл попытался отступить, его ладонь упёрлась ей в плечо – поздно. Ника заложила правую ногу ему за голень. Глухой, тяжёлый удар тела Кирилла о маты заставил всех в зале на секунду замолчать. Ника мгновенно накрыла его сверху, зафиксировав боковое удержание.

Пыль медленно оседала в полосе света из окна. Кирилл дышал ей в шею. Его лицо было близко, что Ника видела

каждую золотистую искринку в его глазах. Она чувствовала, как бьётся его сердце – и своё, глупое, которое тоже билось сильнее обычного.

— Я же сказала, — Ника надавила плечом ему в челюсть, — не смей мне поддаваться.

Кирилл смотрел снизу вверх. Молча.

5.

После тренировки Ника искала тейп. Катушка пустая, на дне сумки – слипшиеся обрезки. Лодыжка после броска ныла.

Ника накинула кофту – шерстяную, кофейного цвета. Подхватив сумку, она направилась к выходу из спорткомплекса.

Над городом висел августовский сумрак. Шёл мелкий, колючий, как крупа, дождь. Ника остановилась под навесом и замерла. На деревянной скамье, где собирал сумку Кирилл, лежал новый рулон тёмно-зелёного тейпа. Без упаковки. Без записки. Кирилл ушёл пять минут назад.

Телефон в кармане леггинсов дёрнулся. Уведомление во «ВКонтакте». От него. Видео.

Ника нажала, не успев подумать.

Видеофайл на три секунды. Ника нажала на воспроизведение.

Угол зала. Она сама – в рашгарде, с косой, затягивает бинт зубами. Со стороны дико. Как зверь, который чистит зубы. Видео было снято украдкой за минуту до спарринга.

Снизу одна строка.

«Давай завтра в 18:00?»

Ника убрала телефон. Тейп сжала в кармане так, что липучка впилась в ладонь.

31 августа. 23:43.

Ника сидела перед экраном за столом в синеватом свете экрана. Диск С: очищен до блеска. Сорок гигабайт свободы. На рабочем столе осталась только она – Новая папка (3). 46,2 ГБ.

Девушка зашла в раздел «Мессенджер», скачала то самое видео от Кирилла и перетащила его в папку. video_30_08.mp4 встал рядом с voice_14_10_2021.ogg.

Она не стала ничего удалять.

Ника выделила папку. Нажала F2. Быстро стёрла цифры. Набрала одно слово: Разное.

Палец опустился на Enter.

Ника сидела ещё минуту, не двигаясь. Потом открыла голосовую. То, первое. Тринадцатилетняя девочка сказала в тишине:

— Смотг-ите, я постъ-оила погг-тал...

Ника не сжала кулак. Не отвернулась. Слушала до конца. Потом нажала «стоп» – и закрыла крышку.

В комнате стало темно. Кулер дышал – тихо, ровно, как человек, который наконец заснул.

ДАРЬЯ МОЗАРЮК

Третий вечер

Я – флейта. Не простая – деревянная, тёмная, с трещинкой на корпусе. Старый мастер вырезал меня долгими зимними вечерами, напевая себе под нос что-то грустное. Он говорил, что каждая флейта – это заколдованная птица, которая забыла, как летать, и теперь может только петь. Но чтобы песня случилась, нужны две вещи: дыхание человека и его правда. Без правды я молчу.

Мастер был небогатый. Жил в маленькой комнате с одним окном, за которым всегда шёл снег. Пил чай из жестяной кружки. Инструменты у него были старые, но острые. Руки – сухие, тёплые. Он держал меня бережно, как держат птенца, который ещё не научился летать. И когда я была готова, он поднёс меня к губам и подул. Тихо. Один раз. И улыбнулся. Я не знала, почему. Может, оттого, что получилось. Может, просто от радости. Он умер той же зимой. Меня убрали в бархатный футляр и забыли на полке.

Лежала я там долго. В темноте, в бархате, среди пыли и запаха старого дерева. Иногда меня доставали. Мальчик дул слишком сильно – он хотел громко, а я умела только тихо, и он сердился, откладывал меня в сторону и убегал во двор. Женщина не умела меня правильно держать, я хрипела, а она смущалась, будто сделала что-то неловкое, и прятала меня обратно в футляр. Были и другие. Один мужчина долго вертел меня в руках, говорил, что дере-

во хорошее, но трещинка – плохо: она всё портит. Я лежала и думала: а может, трещинка – это и есть я? Может, без неё я была бы просто деревяшкой. Кто знает.

Шли годы. Полка покрывалась пылью. Футляр выцвел. Я слышала, как в доме менялась жизнь. Но я лежала и просто ждала.

А потом пришёл он. Он взял футляр, даже не открыв. Положил в рюкзак. И мы пошли. Я не знала, кто он. Не понимала, куда идти и зачем. Знала только, что руки у него не такие, как у мастера, – моложе, но уже уставшие. И что пахло от него табаком и долгой дорогой.

Первый вечер путешествия мы провели в шумном городе. Я слышала гудки машин, звуки старого радио из открытого окна, чей-то смех, чьи-то шаги по лестнице. Мы ночевали в комнате с полосатыми обоями и скрипучей кроватью. Я ждала: откроет? Не открыл. Он долго сидел у окна, смотрел на улицу, потом лёг и заснул, не раздеваясь. Я лежала в рюкзаке и думала: первый вечера – самый чужой. В первый вечер человек ещё не знает, зачем он в дороге. Он ещё дома, хотя уже и не дома. Он ещё притворяется. Я просто слушала город и ждала.

Второй вечер – в лесу. Трещал костёр. Пахло дымом и сырой землёй. Он сидел на пне и что-то чертил палочкой на снегу, а я лежала в рюкзаке и слушала. Я ждала. Не открыл. Только вздохнул и лёг спать под ёлкой, подложив под голову рюкзак. Мне было слышно, как бьётся его сердце – через ткань, через бархат, через дерево. Оно билось ровно, но как-то невесело. Второй вечер – самый тихий. Человек ещё не устал притворяться, но уже начал слышать себя. Это страшно – слышать себя в лесу, где не с кем поговорить. Я молчала вместе с ним.

А на третий вечер мы пришли в горы. Третий вечер путешествия – самый честный. Так говорят старые флейты. К

третьему вечеру человек устаёт притворяться. Устаёт быть сильным. Устаёт молчать о том, что болит. И если рядом флейта – даже в чехле, даже закрытая, – она всё слышит.

Горы встретили нас тишиной. Не той тишиной, что в городе, а другой – настоящей, глубокой, как колодец. Снег лежал ровно. Небо было низкое, серое, но не злое. Где-то далеко внизу остались и город, и лес, и все слова, которые человек говорил и не говорил. Здесь слов не было. Здесь было только то, что есть.

Он поставил рюкзак на снег. Развёл костёр. Огонь занялся не сразу, шипел, плевался, потом выровнялся и стал смотреть на человека своим жёлтым, немигающим глазом. Человек сел на валежник, вытянул ноги в стоптанных сапогах и вздохнул. Долго сидел молча. Смотрел на огонь. А потом заплакал.

Плакал он тихо, почти беззвучно, только плечи вздрагивали да по лицу текли слёзы, и он не вытирал их. Было в этом что-то простое, даже обыденное, как будто он делал это каждый вечер. Может, и делал. Может, все эти годы, пока ехал в поездах, сидя в конторах – он только и делал, что ждал этого третьего вечера, чтобы наконец заплакать в горах, вдали от чужих глаз.

Я лежала в чехле и чувствовала его слёзы через ткань, через бархат. Я не могла их вытереть. Не могла сказать: «Не плачь». Я могла только петь. Тихо. Без нот. Без дыхания. Как поют вещи, когда их никто не слышит. Для себя.

И я запела. Я пела о старом мастере, который меня вырезал, – о его тёплых руках и добром дыхании, о том, как он напевал по утрам и говорил, что весна придёт непре-

менно. Я пела о мальчике, который дул слишком сильно, и о женщине, которая не умела меня правильно держать – они хотели как лучше, но у них ничего не вышло, и в этом не было их вины. Я пела о мужчине, который говорил, что трещинка всё портит, – а может, трещинка и есть самое главное. Я пела о людях, которые не смогли на мне сыграть, – их было много, и все они были немного виноваты, и все немного не виноваты.

Я пела о том, что третий вечер путешествия – самый честный, потому что к этому времени уже не важно, кто ты. Неважно, что о тебе думают другие. Важно только, что ты рядом. Что ты здесь. Что ты дышишь. Что ты не один – даже если думаешь, что один.

Я пела о том, что все мы – заколдованные птицы. Все забыли, как летать. Все можем только петь. Или молчать. Или ждать. Но даже в самом глубоком молчании есть песня. Даже в самый тёмный период появится третий вечер. Надо только дойти.

И вдруг мне показалось, что он перестал плакать. Я услышала, как он провёл ладонью по лицу, как потрескивают в костре поленья. Потом он тихо сказал:

— Я обещал ей, что вернусь.

Я не знала, кому именно. Но флейты умеют слышать не только слова. Иногда между двумя словами прячется целая история. Он достал из кармана маленькую фотографию. Я не могла её увидеть, но почувствовала, как долго он держал её в руках.

— Я не успел, — прошептал он.
— И теперь не знаю, зачем вообще иду дальше.

Мне захотелось ответить. Не

словами – музыкой. Но для этого нужно было его дыхание. Его настоящее дыхание, не то, которым человек просто живёт, а то, в котором есть желание сказать миру: «Я всё ещё здесь».

И тогда я поняла: он взял меня с собой не случайно. Он просто ещё не был готов услышать собственную песню.

Человек не слышал меня, но его плечи опустились, дыхание стало ровным, он заснул. А я пела всю ночь. Костёр догорал. Снег падал тихо, как будто тоже слушал. Горы стояли вокруг – полностью белые, огромные, – и им, казалось, тоже было не всё равно. Может быть, они слышали. Может быть, они тоже когда-то были заколдованными птицами. Мне снилось, что я снова лежу на верстаке у старого мастера. За окном метель, на стекле дрожит жёлтый свет. Мастер проводит пальцами по моему деревянному корпусу и говорит: «Самое трудное для птицы – не научиться летать. Самое трудное – понять, куда лететь». Я хотела спросить, куда должна лететь я. Но проснулась раньше ответа.

Утром человек посмотрел на рюкзак, улыбнулся чему-то своему – быть может, сну, быть может, тому, что жив, – и пошёл дальше. Он так и не открыл футляр. Но я не обиделась. Потому что знала: четвёртый вечер впереди. Может быть, он откроет. А может, и нет. Но я всё равно буду петь. Тихо. Внутри. Для него. Потому что такова судьба всех заколдованных птиц – петь даже тогда, когда их никто не слышит. И ждать.

Впрочем, не всё ли равно? Ведь если подумать, кому нужна песня, которую никто не слышит? Может быть, и никому. А может быть, именно она и нужна – больше всего на свете. Кто знает. Кто знает.

Мы шли ещё долго. Иногда он разговаривал сам с собой, будто проверял, есть ли ещё голос. Иногда молчал так долго, что молчание становилось плотным, как воздух перед

грозой. А однажды остановился. Он снял рюкзак. И впервые за всё путешествие открыл футляр.

Я увидела его лицо. Усталое, немного растерянное. В нём не было ни бурных чувств, ни облегчения. Только тихая, почти детская неуверенность. Он осторожно достал меня, будто боялся причинить мне боль. Он стоял у края обрыва. Внизу лежала долина, залитая вечерним светом.

— Ну что, птица, — сказал он. — Посмотрим, умеешь ли ты летать.

Он поднёс меня к губам и выдохнул. Первый звук получился хриплым и неровным. Второй — слишком тихим. А на третьем дыхании что-то изменилось. Я запела. И тогда он заплакал снова. Только теперь это были другие слёзы. Он понял, что песня не вернёт того, кто ушёл, но она может дать человеку силы сделать ещё один шаг. Он не смотрел вниз. Он повернулся — медленно, всем телом, будто разворачивал тяжёлую дверь, — и пошёл вдоль хребта, туда, где тропа ещё продолжалась. Шаг получился неуклюжим, тяжёлым, первый за долгое время шаг без цели — просто шаг. Но он был сделан по земле, а не в пустоту. И в голове у него впервые за это путешествие стало не тихо, а спокойно — как в доме, где кто-то наконец закрыл за собой дверь и остался внутри, а не на пороге.

Иногда именно так и начинается дорога. Потому что такова судьба всех заколдованных птиц — петь даже тогда, когда их никто не слышит. А ещё — ждать того самого человека, который однажды найдёт в себе достаточно правды, чтобы вдохнуть в тебя жизнь. И, может быть, тогда ты наконец расправишь невидимые крылья. Даже если никто вокруг не увидит, что ты летишь.

ЧИТАТЕЛЯМ НА ЗАМЕТКУ

Несимметричная : роман :/ И. Н. Бутенко. – Москва: Маракуйя: Детская литература, 2026. – 352 с. – (Маракуйя). – ISBN 978-5-08-007590-2.

Екатерина Скуридина В мире животных

Современные детские писатели редко берутся за пограничные состояния детской психики, боясь скатиться в излишний социальный мрак или поверхностную банальность. На первый взгляд, повесть Востокова – обычная увлекательная история с каплей магического реализма: девочка, сбежавшая из детского дома, поселяется в заброшенном северном посёлке, где обитают мамонты, динозавры и древние каменные великаны. Однако за внешней сказочной атрибутикой скрываются глубокая детская травма, защитные механизмы психики и долгий путь к исцелению.

Главную героиню рассказа, десятилетнюю Соню Козлову, практически никто не называет по имени. Она – Коза. Это прозвище закрепилось за ней в детском доме, но давно перестало быть обидным ярлыком и превратилось в способ выживания девочки. Коза – та, кто бодается, не подпускает к себе чужих, умеет довольствоваться тем, что есть. Автор подмечает, что принятие этого «животного» прозвища становится для героини актом внутренней свободы, попыткой отгородиться от мира людей, который приносит ей только боль и разочарование. Реальное имя Козы – Соня, оно ас-

социируется со словом «сон», что соотносится с мечтой героини о другой жизни, где её любят.

Самая важная особенность поведения Козы в заброшенном поселке Тикан-тикад – непрерывный разговор с самой собой. Речь помогает ей структурировать время, бороться со страхом, имитировать социальное взаимодействие. Одиночество девочки настолько глубоко, что в её восприятии оживают неодушевлённые предметы, некоторым из которых она даже даёт имена. Старый заброшенный дом – Гензель, отрезанный кусок шланга – змея. Ключ, магнитофон, солнечные часы – всё это персонажи её драмы. Для Козы вещи надежнее людей: они предсказуемы, не предадут и, в отличие от людей в детском доме, умеют «слушать». В её мире грань между живой и неживой природой стирается и дарит героине иллюзию близости.

Великаны – не просто аллегория. Каменная Грида, пасущая мамонтов («мохнатиков») и совершающая «прыжки во времени», парадоксально оказывается ближе и понятнее, чем люди. Великанша лишена человеческой жестокости и потребности судить. В её огромном тихом мире нет места детдомовским наказаниям. Общаясь с Гридой, Коза постепенно учится принимать себя без чувства вины.

Среди оживших вещей и воображаемых друзей вдруг появляется Ваде – ненецкий мальчик-оленовод, единственный человек в жизни Козы. Он немногословный и основательный, но при этом не становится спасателем или утешителем – он просто другой. В разговорах с ним Коза впервые вынуждена соотносить свой внутренний мир с чужой реальностью. Ваде не лезет в душу, поэтому рядом с ним и становится безопасно.

Востоков уделяет внимание физическим ощущениям девочки – она постоянно мерзнет, голодает, у неё болят руки и ноги. Холод в повести не просто фоновое ощущение:

Коза замерзает не только физически, но и душевно. Только когда она начинает заботиться о себе – топить печь, готовить еду, спать, – она делает первые шаги к восстановлению своей личности.

Самый болезненный пласт повести – тема внутренних наказаний. Сбежав из детского дома от жестокой воспитательницы по прозвищу «Зэ Пэ», Коза физически вырывается из внешнего контроля, но продолжает нести «надзирателя» внутри себя. Востоков описывает это через страшный механизм: девочка сама себя наказывает. Совершив ошибку или проявив слабость, Коза дает себе пощечину. Героиня настолько привыкла к тому, что дисциплина поддерживается через наказания и боль, что не умеет жалеть себя.

Отдельного внимания заслуживает оформление книги. Иллюстрации Виктора Мачинского лаконичны – это силуэты без лишней детализации. Чёрный силуэт девочки на фоне большого белого листа передает чувство одиночества в бескрайней тундре. Великаны – горы огромны по сравнению с девочкой, подчеркивая величие природы, перед которым отступают мелкие человеческие обиды. Этот визуальный минимализм превращает историю в северную притчу, где за каждым холмом скрывается древняя тайна.

Кульминационный момент, когда Коза получает ранение от браконьера (от пуль её спасает лишь старый ключ от «Гензеля», принявший удар на себя), заставляют героиню пройти через символическую смерть и видение с «Дедушкой» с православной иконы, с которым она часто «разговаривала». В этот момент что-то ломается у неё внутри. Стена, которой она закрывалась от всех, рушится. Коза делает осознанный выбор в сторону жизни, тепла и любви. Когда в финале раскаявшийся браконьер сдается полиции, а семья ненцев решает забрать Козу шестым ребенком в своё

стойбище, спасая её от возвращения в детский дом, становится понятно: девочка наконец-то перестала быть Козой. Оставив ключ на крыльце «Гензеля», она отправляется в тундру не как беглянка, а как человек, обретший дом, семью и право на безусловную любовь.

Станиславу Востокову удалось создать многослойную притчу. «Коза и великаны» – книга не просто о чудесах леса, а о том, как душа способна через фантазию, боль и принятие природы вырастить в себе колоссальную внутреннюю силу. Это книга, которую необходимо прочитать как детям, так и взрослым – особенно тем, кто работает с детьми и до сих пор верит, что дисциплина важнее человеческих чувств.

НА ВЫРОСТ

Виктория Валерьевна Ледерман «Первокурсница» (М.: КомпасГид, 2016 – 132с.) ISBN 978-5-00083-165-6

Анастасия Булгакова

«Я ведь взрослая уже»: как Саша Барс училась
(не) быть взрослой

Виктория Валерьевна Ледерман известна как современная детская писательница. Её герои – ученики начальной школы (7-10 лет) и подростки среднего школьного возраста (11-14 лет). Но в 2016 году Виктория Ледерман совершила творческий эксперимент, написав реалистический роман Young Adult, где главная героиня, семнадцатилетняя студентка Саша Барс, стала самой «взрослой» героиней в библиографии автора. Однако не в пространстве произведения: свою настоящую «взрослость» – способность видеть себя со стороны и отвечать за собственные ошибки – Саше ещё только предстоит обрести. Сепарация от родителей, студенческая свобода, неразделённая любовь, семейные проблемы – всё это обрушилось на голову несчастной первокурсницы.

Роман начинается с фразы преподавателя: «Барс, повторите, что я сказала!». Но попытка вытащить Сашу из мира любовных грёз тщетна: «Вот уже три месяца, как я не могла думать ни о чем и ни о ком, кроме него. Геннадий Славинский!». Это маниакальное чувство подчиняет жизнь и

без того легкомысленной, эгоистичной и упрямой Саши и становится «двигателем» всего сюжета книги. Она готова сделать что угодно, чтобы добиться внимания объекта своей любви. Самое непримиримое для Саши, что у Геннадия уже есть любимая девушка Ольга, и героиня вынуждена унижаться, попадая в неприятности и ввязываясь в опасные авантюры. Её непростая жизнь неуклонно катится под откос, и часто безрассудные и опрометчивые поступки героини вызывают сильное раздражение. Втайне от мамы взять котёнка, совершенно не умея обращаться с животными, и неоднократно подвергать беззащитное существо смертельной опасности; сесть в машину к незнакомцам и поехать в неизвестном направлении; объявить негласную войну чужому счастью... Внезапная студенческая свобода кружит героине голову: «Я же решила измениться, я теперь другой человек, взрослый и свободный! Я не мамина маленькая дочка, за которую она решала все проблемы, большие и маленькие».

Впрочем, пример Саши не стоит проецировать на действительность. Многие девушки её возраста демонстрируют самодисциплину: они сосредоточены на выпускных экзаменах, требовательны к себе и делают осознанные шаги во взрослую жизнь. Можно ли оправдать такое бунтарское поведение сложными семейными проблемами? Пожалуй, да: у героини нет нормальной полноценной семьи. В двенадцать лет она пережила тяжелое потрясение, из-за которого чуть не совершила самоубийство: оказалось, что человек, в которого она была влюблена с детства – её родной отец. Ситуацию усугубляет недавний развод мамы героини и её отчима. У обоих «отцов» теперь семьи и маленькие дети, а мама, увлеченная новыми отношениями, совсем перестала уделять дочери внимание. Поступки взрослых в романе кажутся не менее абсурдными, чем

действия Саши. В какой-то момент можно подумать, что её поведение – лишь отражение хаоса, устроенного взрослыми. Неудивительно, что ближе к концу повествования героиню одолевает острое чувство одиночества и ненужности: «Меня вообще нигде не ждут. У меня три семьи, и ни в одной для меня нет места. Только мешаю всем». Состояние Саши автор передаёт точной метафорой: осколок зеркала, залетевший в её глаз. Это отсылает читателя к тому самому осколку волшебного зеркала из знаменитой сказки Х. К. Андерсена, что попал в глаз Кая. Но действительно ли такой осколок вылетит из глаза Саши в конце романа?

По законам жанра в жизни героини появляется своеобразный «ангел-хранитель» – пятикурсник Саня, который становится её защитником в самые опасные моменты.

Автор точно подобрала форму повествования: оно ведётся от лица Саши, благодаря чему читатель видит её эмоциональные метания, обрывистые мысли, ощущает этот импульсивный стиль текста: «Может, все вокруг правы и желают мне добра, а я, дура, не понимаю этого? Завтра же помирюсь с мамой, извинюсь перед Саней и верну кошку Кириллу».

Личная драма жизни Саши разворачивается на фоне достоверно воссозданной атмосферы студенческих будней: пирожные в столовой, ритуалы перед сдачей сессии, панический страх перед экзаменом. Сама героиня автобиографична: она учится на факультете иностранных языков, который в своё время закончила Ледерман. А посвящение всем студентам иняза Самарского педагогического университета приоткрывает дверь в прошлое автора, возможно, связывая вымышленный сюжет с её собственным опытом.

Мне, как самарчанке, было приятно увидеть в романе географические маркеры Самары: площадь Революции,

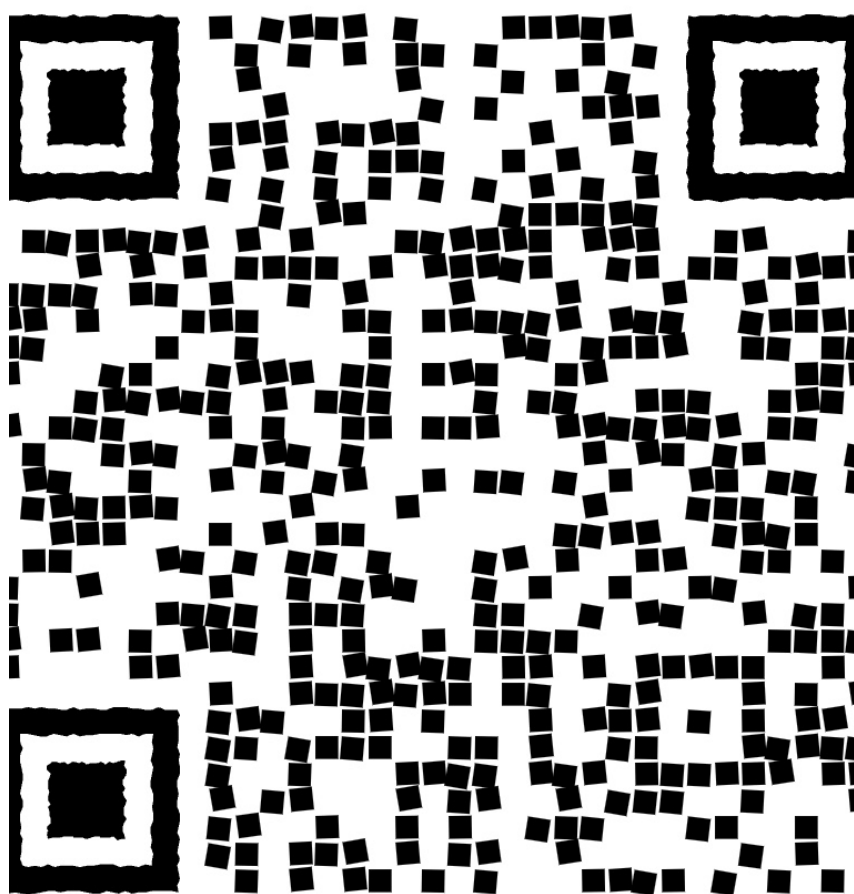
причал и набережная, Безымянка. Описания этих мест опущены: возможно, чтобы лучше передать ощущение одиночества главной героини.

Оформление книги вполне удачное: лаконичная современная обложка с изображением главной героини, компактный размер, белоснежные матовые страницы, удобный для глаз шрифт. Не хватает хотя бы самых простеньких иллюстраций, ещё сильнее оживляющих повествование.

Творчеству Ледерман свойственны неожиданные сюжетные повороты, и «Первокурсница» – не исключение. Книга захватывает с первых страниц и подростка, и взрослого: курьёзные события в жизни героини описаны с юмором. Этой книге присуща характерная для произведений Ледерман искренность.

В конце романа Саша Барс погружается в полное отчаяние: «Зачем я вообще здесь? Здесь, в этом мире?» Она оказывается на пустынной окраине города и едва не погибает в заснеженном овраге, но её снова спасает Саня. Лишь когда героиня находилась на грани жизни и смерти, осколок из её глаза наконец-то вылетел: мировоззрение изменилось. В сущности, финал романа открыт, но произведению точно не хватает эпилога: читателю совсем не хочется расставаться с Сашей в самый переломный для неё момент. Как героиня обустроит свою дальнейшую жизнь? Окончательно ли она отпустила прошлое, или это лишь временное просветление от пережитых трудностей? Автору удалось создать глубокую жизненную историю, ответы на вопросы которой каждому читателю придётся искать самостоятельно.

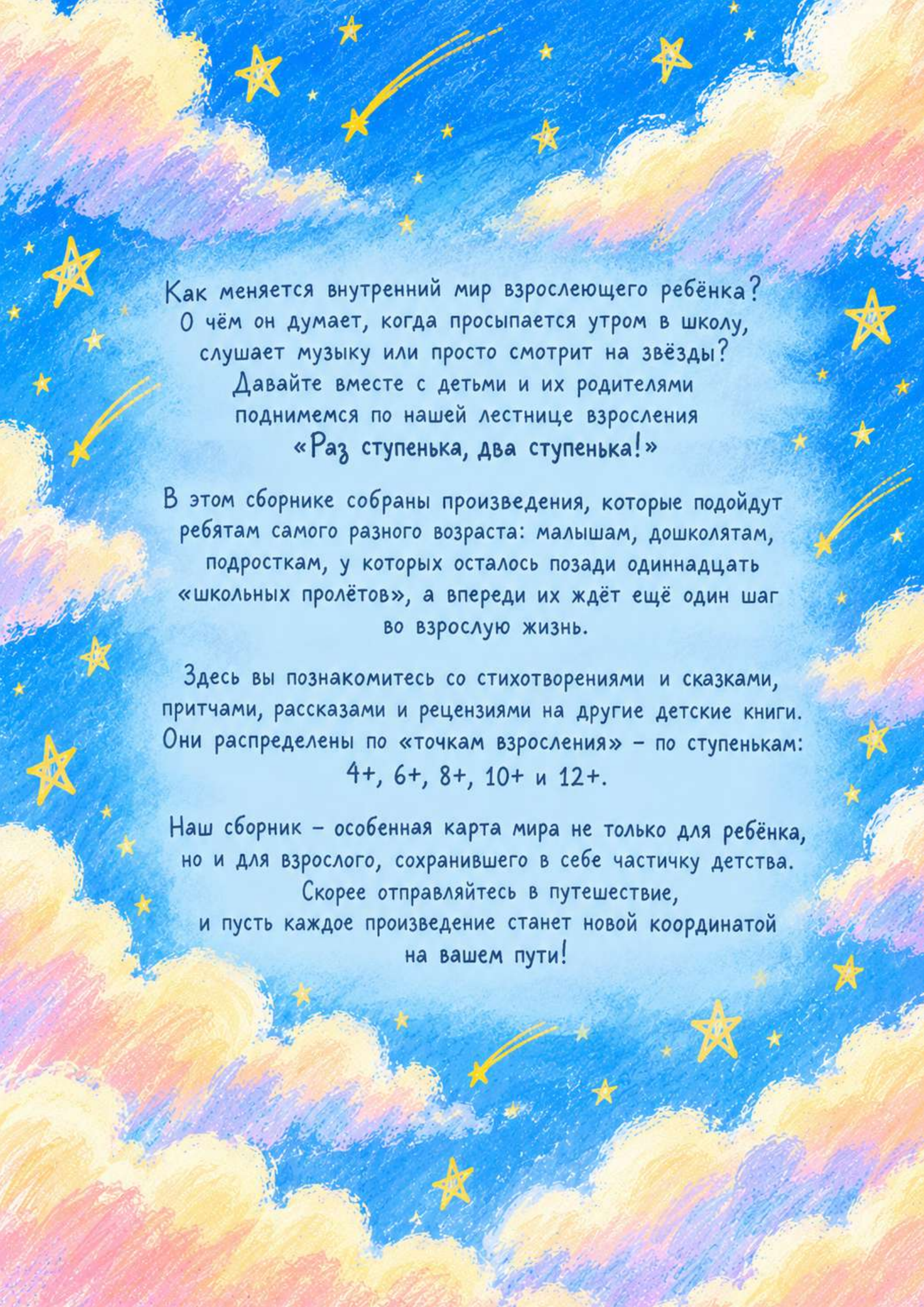
ДРУГИЕ ПРОИЗВЕ- ДЕНИЯ

Приходите еще!

НУ ВОТ И ПОДОШЛО ЗАВЕРШЕНИЕ ЭТОЙ КНИЖКИ... НО МЫ НЕ ПРОЩАЕМСЯ, ВЕДЬ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА СВЯЗЫВАЕТ НАВСЕГДА! МЫ НАДЕЕМСЯ, ЧТО ТЫ, НАШ ДОРОГОЙ ДРУГ, УЗНАЛ МНОГО НОВОГО, РАССМОТРЕЛ ВСЕ-ВСЕ КАРТИНКИ И ВДОХНОВИЛСЯ НА НОВЫЕ СВЕРШЕНИЯ И ДОБРЫЕ ДЕЛА!

МЫ ОЧЕНЬ СТАРАЛИСЬ, ЧТОБЫ ТЕБЕ ПОНРАВИЛИСЬ ВСЕ НАШИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ВСЕГДА ПОМНИ, ЧТО ПОСЛЕ ИГРЫ С ДРУЗЬЯМИ, УЧЁБЫ И ТВОИХ ОЧЕНЬ ВАЖНЫХ ДЕЛ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ЛИШНИМ СЕСТЬ ЗА КНИЖКУ. ТЫ РАСШИРИШЬ КРУГОЗОР, ОТКРОЕШЬ ДЛЯ СЕБЯ СОВЕРШЕННО НОВЫЕ СФЕРЫ ИЛИ УГЛУБИШЬСЯ В ТЕХ, В КОТОРЫХ ХОРОШО РАЗБИРАЕШЬСЯ. КНИГА - ТВОЙ ДРУГ, И МЫ ТЕПЕРЬ ТОЖЕ ТВОИ ДРУЗЬЯ!

Как меняется внутренний мир взрослеющего ребёнка?
О чём он думает, когда просыпается утром в школу,
слушает музыку или просто смотрит на звёзды?

Давайте вместе с детьми и их родителями
поднимемся по нашей лестнице взросления
«Раз ступенька, два ступенька!»

В этом сборнике собраны произведения, которые подойдут
ребятам самого разного возраста: малышам, дошколятам,
подросткам, у которых осталось позади одиннадцать
«школьных пролётов», а впереди их ждёт ещё один шаг
во взрослую жизнь.

Здесь вы познакомитесь со стихотворениями и сказками,
притчами, рассказами и рецензиями на другие детские книги.
Они распределены по «точкам взросления» – по ступенькам:
4+, 6+, 8+, 10+ и 12+.

Наш сборник – особенная карта мира не только для ребёнка,
но и для взрослого, сохранившего в себе частичку детства.

Скорее отправляйтесь в путешествие,
и пусть каждое произведение станет новой координатой
на вашем пути!